

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав СИЗОВ

МЫ ИЗ БРЕСТА

Бессмертный гарнизон

Военно-историческая фантастика

Вячеслав Сизов

**Мы из Бреста.
Бессмертный гарнизон**

«Яуза»

2015

Сизов В. Н.

Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон / В. Н. Сизов — «Яуза»,
2015 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-699-79063-0

Он заброшен в 1941 год, оказавшись в Брестской крепости накануне Великой Отечественной войны. У него всего 20 дней, чтобы изменить ход истории. Сможет ли полковник Российской Армии за три недели, оставшиеся до нападения Гитлера на СССР, подготовить красноармейцев по программе десантно-штурмовых подразделений будущего? Устоит ли эта «штурмовая панцирная пехота», облаченная в бронежилеты, вооруженная автоматами и бесшумными снайперскими винтовками с приборами Брамит, в ближнем бою против ветеранов Вермахта? Удастся ли нашему современнику прорвать блокаду Брестской крепости и спасти «бессмертный гарнизон»?

ISBN 978-5-699-79063-0

© Сизов В. Н., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Первые шаги	7
Глава 2. В путь	13
Глава 3. Письмо Сталину	18
Глава 4. В Москву	28
Глава 5. В поезде на Минск	39
Глава 6. Назначение	45
Глава 7. В Бресте	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон

В оформлении переплета использована иллюстрация художника П. Ильина

© Сизов В. Н., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Миф – это то, чего никогда не было и никогда не будет, но что
всегда есть.*

Саллюстий, IV в. н. э.

Пролог

Мы отступаем... Вот уже несколько дней как остатки сводной группы, где я командую батальоном, отступают по дорогам Смоленщины... Пыль лежит на всем: на спинах бойцов и командиров, вещмешках и оружии. Пыль везде. Даже во рту скрипит песком... Кругом война, и ее следы видны на каждом шагу. Вот и сейчас мы идем рядом с шоссе мимо разбомбленной колонны – стоят разбитые и обгоревшие остовы боевой техники, «ЗиСов» и «ГАЗов», брошенные повозки, тяжелые орудия и трактора, лежат трупы людей и животных. Наученные горьким опытом первого месяца войны, мы стараемся держаться деревьев, по возможности скрываясь от авиации противника. Я иду впереди колонны своего батальона, точнее его остатков – нас всего около ста человек, хотя еще пару дней назад было в три раза больше. Всех тех, кому удалось вырваться из окружения, плена и уцелеть в боях. Впереди идет авангард из бойцов 1-го батальона, которому в последнем бою, позавчера, досталось больше, чем нам. От него осталось чуть больше 70 человек – меньше роты. Именно тогда, после гибели в течение дня почти всех командиров и политработников сводной группы, собранной из «окруженцев» и маршевого пополнения, я вновь стал комбатом.

Итак, я – Евстафьев Вячеслав Николаевич, 48 лет от роду, уроженец славного города из Черноземья. Родился в семье профессиональных военных, пошел по стопам предков и отдал Родине почти всю свою сознательную жизнь, служа в ее вооруженных и специальных силах. Участник боевых действий в ряде конфликтов на просторах бывшего СССР и его ближайших соседей, кавалер десятка медалей. Готовился в скором времени стать пенсионером. Волею судьбы оказался перенесенным из XXI века в век XX. Точнее, в июнь 1941 года...

Глава 1. Первые шаги

Как я тут оказался? Это сложно объяснить с точки зрения науки. Да и не силен я в тех областях науки, которых не касался. Может быть, когда-нибудь кто-то найдет объяснение. Но не я, знаний не хватает. Да и некогда заниматься научными изысканиями.

Все произошло внезапно. Побеседовав с начальством на повышенных тонах, я спустился к стоявшей во дворе автомашине. Немного поговорив со скучающим у ворот дневальным, сел к себе в машину и задумался о прошедшем дне. Голова саднила в затылке и висках, потянулся к бардачку за таблетками. Накатило. Понял, что не успеваю... Боль всеобъемлющая в районе затылка и висков. Нарастающая боль в районе груди все больше захватывала меня... Страх, что не успел попрощаться с женой и дочкой, недоделал кучу дел... Темнота... Дневальный, подошедший к моей машине и бегущий обратно в здание. Чей-то возбужденный разговор, врачи и сослуживцы, вытаскивающие меня из салона... Темнота...

Из оперативной сводки по городу

«...Сегодня в 15.20 из... в состоянии комы в горбольницу № 2 доставлен... Через 1 час 10 мин, не приходя в сознание, скончался. По сообщению лечащих врачей смерть наступила в результате сердечной недостаточности. Отделом внутренних дел № 1 проводится проверка...»

...Очнулся я от боли. Болело все тело, но особенно бок справа, и просто на части раскалывалась голова. Не открывая глаз, полежал еще немного. Слышались щебет птиц и шум ветра в листве, тихий недалекий плеск воды. Легкий, теплый ветерок мягко обдувал тело. Ощущение было такое, как будто я у бабушки на Волге, лежу в роще и мне нет дела до других. И я – маленький. И скоро придет отец звать на рыбалку, кататься на лодке по великой реке...

– Товарищ лейтенант! Володя! Товарищ лейтенант! Очнитесь!.. – Кто-то, тормоша меня за плечо, кричал в уши. Интересно, какого Володю приводят в чувство? Зачем меня трясут? Больно же! Не открывая глаз, я попытался освободиться от чужих рук. С трудом, но у меня получилось поднять от земли руку.

– Володя! Вы меня слышите? – спрашивал тот же женский, мягкий и приятный голос.

– Слышу, – тихим шепотом ответил я. Губы и язык отказывались меня слушаться. Голос был чужой и непривычный. Словно и не я это говорил. Вообще тело какое-то непривычное и деревянное, не подчиняющееся командам и явно не мое...

Снова накатило. Я словно оглох и поплыл по волнам...

Когда отпустило и я открыл глаза, увидел, что лежу на берегу реки у каких-то кустов. Вообще, где это я? Я же должен быть в салоне машины, а тут как минимум лесополоса. Да и погода совершенно не соответствует. В машину садился посреди октября, а сейчас явно лето. Если судить по тени деревьев, то сейчас вторая половина дня. Если это шутка, то совсем неудачная. Я все хорошо помню, что со мной происходило! И боль в груди и затылке. Беготню вокруг меня... Что происходит? Где я? Как я здесь очутился?.. Вопросов больше, чем ответов...

Если глюки, то, видно, серьезно прихватило и мое воображение играет со мной непонятную игру. Слишком все реально – и погода, и кусты, и деревья вокруг, и боль в боку и голове. По идее, у меня был инфаркт или инсульт, во всяком случае, к этому все шло давно и привычно. Если рассуждать логически, похоже, я ушел на «Дальние дороги». Но обстановка вокруг как-то не напоминала ни рай, ни ад в их каноническом исполнении. Нет, я, конечно, помню о визитной карточке. В свое время научили серьезно относиться к анекдотам – слишком в них много оказалось правды... Но все же, неужели врал? Эх, Бога на них нет!!!

Если это сон, то слишком реальный. Таких не бывает.

Если шутка, то интересно знать бы, чья? В шутку как-то не особенно верится. Да и некому так шутить. Такое могло прокатить на «срочке», когда ночью выносили вместе с койкой на улицу и оставляли спать посреди плаца. Но уже более 20 лет нет тех, кто мог так пошутить. Да и я не тот пацан, каким был в 18 лет. Скорее всего, это не шутка. Тут что-то еще...

Из вариантов напрашивался только один – перенос. Это вообще-то фантастикой пахнет, и не слабой! Я, конечно, любитель фантастики, но не до такой же степени... Неужели перенесся? Интересная тема!!! Хорошо, примем за данность, что действительно состоялся перенос сознания в другое тело. Тогда возникает вопрос – куда? Зачем и кому это надо? Если я перенесся по времени и пространству, то на вопрос «где и кто я?» нужно ответить как можно быстрее. Голову особо поднять не получается – очень сильно болит тело и голова (слева в районе виска и затылка). Такое ощущение, что били долго и со знанием дела. То, что тело не мое, я уже понял. Оно принадлежало явно молодому человеку. Худощавому и достаточно «накачанному» – таким я был лет до тридцати. Значит, точно перенесся... Ну, что ж, Новый Мир, принимай очередного переселенца... Точнее сказать, его психоматрицу. Я точно помню все, что со мной происходило в моем времени, но ничего не знаю о том, в чье тело и куда я попал.

На часть вопросов смогут дать ответ девушки, что сейчас колготятся вокруг моего тела. Разгоряченные, симпатичные, невысокие и загорелые. Лет восемнадцати. Фигуристые. С приятными выпуклостями в нужных местах. Купальники, правда, у них закрытые. Черные. Строгие. У нас такие уже давно никто не носит. Я их только в кинохронике и на старых фото видел. Славянки, с правильными чертами лица и русыми волосами, торчащими из-под купальных шапочек. Глаза серые, большие, с какой-то печалью. Только вот я их почему-то совершенно не слышу. Хорошо, что хоть вижу.

Девушки продолжали что-то спрашивать и требовать от меня. Тут подняться сил нет, а отвечать вообще сложно. Язык словно не живой. Одна из девушек, сняв с головы шапочку, куда-то убежала. Но скоро вернулась с шапочкой, полной воды, и вылила мне на голову. Не скажу, что мне было неприятно. Наоборот, стало вдруг так хорошо... Что вернулся слух.

– Володя! – раздался у меня в ушах тот же требовательный женский голос. – Вы меня слышите?

Опять спрашивают какого-то Володю. Кстати, на нормальном русском языке. Спрашивают явно меня. Раз так, то надо отвечать.

– Слышу.

– Наконец-то. Мы тут за вас переживали, – продолжил голос. – Лежите, словно мертвый. Не отвечаете. Думали, что вас убили.

– Слухи о моей смерти преувеличены. Если вы мне поможете встать, то будет просто отлично.

Нежные, заботливые и в то же время сильные женские руки помогли мне подняться с песка. Оперевшись на девушек, я попробовал сделать шаг, затем еще. Тело с трудом, но перемещалось в пространстве. Ноги гнулись, руки тоже. Голова не тряслась.

– Володя! Может, надо милицию и «Скорую помощь» вызвать? – грудным и завораживающим голосом спросила одна из девушек. Самая симпатичная, кстати.

– Не надо. Сейчас посижу, и все пройдет, – ответил я. Милиции мне сейчас только не хватало. Пока не определюсь, кто, что и где я, она не нужна. Девушки с моим телом были в одной компании. Других особей мужского пола я тут не вижу. Так что все сказанное девушками относится ко мне. И это радует. Тело зовут Владимир, и он лейтенант. Хоть знаю теперь, как меня зовут. Еще одна радостная новость была в том, что трусы на мне были. Сатиновые, синие, почти до колен. Давно я такие не носил. Лет сорок. Двигаться и самостоятельно сидеть было еще трудно, и девушки прислонили меня спиной к дереву.

Мы были на небольшом песчаном пляже, окруженном с трех сторон деревьями и кустарником, а со стороны реки – редкими ивами. Неширокая река медленно катила свои воды. На

противоположной стороне виднелся сосновый лес. Вдоль берега реки шла узкая тропинка. По железнодорожному мосту, который виднелся метрах в пятистах справа от меня, как раз в это время проходил поезд с паровозом во главе.

Ярко светило солнце, и небо было нежно-голубым. Неподалеку на песке лежало покрывало, две раскрытые книги и несколько стопок одежды. В том числе и военной. Тут же, в тени куста, прятались початая бутылка красного вина, граненые стаканы и несколько открытых кульков из плотной серой бумаги. Все говорило о том, что народ, уединившись на природе, культурно отдыхал. А дальше что-то произошло, в результате чего тело было без сознания. Знать бы только что? Ну, да бог человеку дал язык, а он, как говорится, до Киева доведет.

– Я долго в отключке был? Ничего не помню! – обратился я к девушкам.

– Нет. Минут пять – десять, – ответила самая симпатичная. – Тебя по голове со спины палкой ударили. Вот ты и упал. Мы с Наташей закричали, и парни убежали. Может, все же надо обратиться в милицию и больницу? А?

– Не надо. Я ничего не помню, что тут произошло, и что я им скажу?

Девушки наперебой стали мне рассказывать о происшедшем.

Из разговора выяснилось, что я (мое тело) закончил обучение в военном училище и вчера на танцах познакомился с девушками, Ирой и Наташей. Я пригласил их в последний день своего пребывания в городе искупаться и отметить окончание учебы. Поезд у меня вечером, и девушки собирались меня проводить. Пару часов назад, встретив девушек, я привел их сюда. Мы с Ирой купались, когда из леса вышли трое пьяных парней. Они стали приставать к сидевшей на берегу Наташе. Девушка стала звать на помощь. Я бросился к Наташе. Завязалась драка с парнями. В результате которой на поле боя остался я один. Лежащим на земле. Парни испугались и убежали. Им тоже досталось. Ирина это утверждала как студент-медик. У одного как минимум вывих руки, у остальных «видимо» сломаны ребра.

Хорошо тут народ живет. Весело. Пока беседовали, мне стало лучше.

Погода была как по заказу. Теплая и солнечная. Легкий ветерок шуршал в листве, чирикал что-то на своем языке птицы. В лесу стучал дятел. Благодать. Только и наслаждаться жизнью. Вот я и предложил отдыхать и не обращать внимания на неприятности жизни. Тем более что пиратов, желающих похитить прекрасных дам, на горизонте не было видно, а вино искрится в бутылке. Настроение у девушек хоть и было испорчено произошедшим, тем не менее они со мной согласились и пошли купаться. Ирина с сочувствием и тревогой все оглядывалась на меня. Я лишь улыбался в ответ и несколько раз успокоительно помахал рукой.

В книгах у переселенца остается часть памяти донора, а у меня этого не произошло. А раз так, то нужно собирать информацию. Пока девушки купаются, почему бы не заняться изучением того, что под рукой. Хотя бы формы. Аккуратно поднявшись с песка, подошел к трем аккуратно сложенным стопкам вещей. Две принадлежали прекрасной половине человечества и одна мужской, она меня и интересовала.

Ничего необычного в ней не было. Белая майка-«алкоголичка» и комплект советской летней походной военной формы командного состава довоенного периода – хромовые сапоги, темно-синие галифе и командирская гимнастерка с выпушкой по воротнику и пехотными петлицами на воротнике. В петлицах рубиново блестели два кубика, а на рукавах – по узкому угольнику красного цвета с золотой отделкой. Пилотка с кантом и красной звездой. Форма новенькая, практически не ношенная. Аккуратно выглаженная и со свежим подворотничком. Такие же новенькие портупея со звездой и кожаная кобура, удерживавшая в себе, похоже, револьвер «наган», нашлись в сапоге. Здесь же лежали механические наручные часы «завод им. Кирова» на черном кожаном ремешке, показывавшие три часа пополудни.

В карманах гимнастерки нашлись документы, выданные Тамбовским Краснознаменным военно-пехотным училищем имени Ашенбрэннера и Уншлихта на имя лейтенанта Седова Владимира Николаевича, 1921 г. р. Ему, для дальнейшего прохождения военной службы, предпи-

сывалось 18 июня 1941 г. прибыть в распоряжение УК Западного Особого военного округа. Дата выписки предписания 31 мая 1941 г. Денежный, вещевой и продовольственные аттестаты. Комсомольский билет. Наличные деньги в кожаном портмоне около одной тысячи рублей (купюрами по 3, 5 рублей и 10 червонцев). Накладная камеры хранения железнодорожного вокзала ст. Тамбов от 31 мая о принятии трех мест ручной клади. Билет в купейный (спальный) вагон от ст. Тамбов до ст. Москва на 2 июня 1941 г. В маленьком кармашке у пояса брюк нашелся небольшой ключ. Может быть, удастся найти, от какого замка он.

Сколько вопросов сразу нашло свои ответы. Мне повезло вселиться в тело вояки, такого же, как и я, в прошлой жизни. В этой жизни я почти в привычной для себя обстановке и положении. По словам девушек, Седов сегодня должен сесть в поезд, выходит, сегодня 2 июня. Через три недели начнется Великая Отечественная война. Проблем с вопросом «Что делать дальше?» не возникало. То, что должен. Зря, что ли, столько лет в армии служил.

Главное, не светиться с незнанием окружающей обстановки, цен, разговорной речи. Для меня сейчас лучше всего молча впитывать информацию об окружающем мире и постепенно вращаться в него. Возврата назад, видимо, не будет.

Тело досталось молодое, крепкое, физически развитое, тренированное. Парень явно был спортсмен. Ехал в войска, чтобы принять взвод в одной из дивизий, формируемых в Западном ОВО. Сейчас таких много – едут к новому месту службы после досрочного окончания обучения. Если мне правильно помнится, то в «ТКУ» готовили по специальности «командир стрелкового или пулеметного взвода». А раз так, то знаний и опыта пары локальных войн и конфликтов конца века для 1941 г. должно хватить. Надеюсь, что навыков командования взводом и ротой, в связи с переносом, не потерял.

Рассказать, где находится училище, могу без проблем. Район, где располагалось училище, особо не изменился. Наставили вокруг многоэтажек, но служебная зона оставалась без больших изменений. Тем не менее стоило посмотреть, какие здания еще не построили. В мое время училища уже не было – оно просуществовало где-то до 1960 г., когда его расформировали. Хотя это было одно из старейших военных учебных заведений страны. Начиналось в XIX веке как Алексеевское пехотное, после революции стало военно-пехотной школой имени Ашенбреннера. Перевезлось из Москвы в Тамбов. В середине 20-х стало Тамбовским Краснознаменным военно-пехотным училищем имени Ашенбреннера и Уншлихта. В 1941 г. было эвакуировано в Семипалатинск. В 1945 г. получило имя Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова и вернулось в Тамбов. По правде говоря, готовило неплохих пехотных командиров. Одних Героев Советского Союза около 50.

Есть большая вероятность попадания с однокурсниками в одну воинскую часть. Тут уж как повезет, и что в кадрах приготовили. Формируемых частей в Западном ОВО много, вакансий еще больше. Большинство однокурсников Седова погибнет в первые месяцы войны. Но тем не менее такая проблема остается и вероятность встречи исключить нельзя. Придется включать «дурку». Было бы неплохо еще один день побыть в городе для адаптации в данной реальности. Вжиться в тело. Пройтись по городу, посмотреть то, что видел только на старых фото, освежить память. Но судьба за меня все решила – предоставив билет на поезд. Может, оно и к лучшему, что сегодня я его покину. Меньше проблем со знакомыми и однокурсниками Седова.

Следующая проблема. Что я знаю о жизни своего визави? Абсолютно ничего. Хорошо, что автобиографию мне придется писать года через четыре, не раньше. Так что возможно, удастся узнать что-нибудь. Если с делом ознакомлюсь. Но сослуживцы будут расспрашивать о жизни, а что говорить, не знаю. Личное дело прибывшего командир изучать будет. Вдруг возникнут вопросы, а я буду молчать, как рыба об лед. Ляпну что не так, а кто-то особисту стукнет. Девушки вряд ли смогут помочь. Откуда они могут знать. Кстати, а личное дело у Седова было с собой или его выслали из училища фельдпочтой? Командирской сумки, где можно было бы его хранить, среди вещей не наблюдалось. Вообще-то было бы странным, если

бы командир его с собой носил на пляж. Может быть, она в поклаже, сданной в багаж? Вот это был бы классный рояль в кустах.

Долго одному мне побыть не пришлось. Девушки, накупавшись, вышли из воды. Сняв шапочки и обтираясь полотенцами, они стояли передо мной. Молодые, что называется кровь с молоком, покрасневшие, с каплями воды на загорелом теле, освещенные лучами солнечного света, они были прекрасны.

Ирина мне нравилась больше Наташи. Она и не могла не понравиться. От девушки так и пахло чистотой и русским духом. Особенно впечатляла ее улыбка, собранные без особых изысков в тугую косу волосы. Двигалась она, на мой взгляд, очень даже грациозно.

– Володя, вы тут не скучали без нас? – спросила Наташа. – Как себя чувствуете?

– Очень соскучился, – ответил я. – Чувствую себя вполне прилично. Особенно рядом с такими обаятельными и привлекательными нимфами из сказок.

– Скажете тоже. Нимфы. Вы нас еще русалками или наядами назовите, – продолжила Наташа.

– И назову. Вы так прекрасны и восхитительны, что у меня просто нет слов. Одни мысли, которые по убогости и косности речи высказать не могу.

– Ну, тогда разливайте вино и приглашайте дам к столу. А то мы есть хотим, –скомандовала она. Ирина стояла рядом с ней и смущенно улыбалась.

– С большим удовольствием, – ответил я, разливая вино по стаканам. Вино оказалось вполне приличное – «Хванчкара». Кроме открытой, в воде охлаждалось еще одна.

Закуски было много. Пусть она была непритязательна на искушенный взгляд. Вареная картошка в мундире, зеленый лук, квашеная капуста, моченые яблоки и копченая колбаса. Буханка черного хлеба с одуряющим, почти забытым запахом. Один только вид нарезанного и разложенного просто требовал срочного употребления всего, что лежало на импровизированном столе. От запахов кружилась голова.

Кружилась она и от присутствия рядом действительно красивых и обворожительных девушек.

Мы пили вино и разговаривали. Говорили больше девушки, я же слушал и иногда поддакивал. А когда вино закончилось и все наелись, пошли купаться. Вода была чистой, прохладной и нежно обволакивала, успокаивала, окутывала, очищала и охлаждала разгоряченные на солнце тела.

Рано или поздно всему приходит конец. День клонился к вечеру. Вот и нам пришло время собираться. Лично мне уходить не хотелось. Но надо, не сидеть же здесь вечно. Часы показывали шесть, и мне пора было выдвигаться на вокзал.

Дорога в город шла по тропинке вдоль железнодорожной насыпи.

Город мало изменился с того времени, во всяком случае та его часть, что стояла около берега реки, – те же деревянные домики и сады вокруг них. Все было знакомо и узнаваемо. Разговаривая и дурачась, мы направились в сторону станции. Она жила своей жизнью – грузились и разгружались у складов грузовики, переговаривались грузчики, а у ворот стояли воровцы. За забором виднелось окруженное невысокими деревьями желтое здание ДК. Рядом с ним стояли двухэтажные деревянные бараки для семейных железнодорожников.

Все чаще стали попадаться военные, спешащие к своим семьям и пахнущие казармой, ваксой и одеколонами «Шипр» и «Тройной».

Около одного из домов Наташа с нами попрощалась. Пристально смотря мне в глаза, она попросила обязательно проводить Иру до дома. Естественно, я обещал. Тем более что она жила недалеко от железнодорожного вокзала. Да и времени до поезда еще оставалось.

Куда и как идти, искать было не нужно. Сколько раз было хожено по этому маршруту. В мое время эта часть города была плотно застроена частным сектором. Здесь и сейчас террито-

рия была в основном свободна и заросла деревьями. Приток реки Цны еще не пересох, и его воды вольготно бежали среди зарослей Ахлебиновской рощи и прилегающих территорий.

...На путях пытелo несколько маневровых паровозов, толкая по рельсам вагоны. Все станционные и заводские пути были заняты эшелонами, некоторые из них охраняли вoхровцы...

Наш путь был недолог, и мы вскоре оказались на Железнодорожной улице. Одноэтажные деревянные и редкие двухэтажные каменные здания за невысокими заборами составляли ее. Около двухэтажных домов на лавочках сидели старушки, обсуждавшие какие-то свои темы. Редкие прохожие спешили по своим делам, совсем не обращая на нас внимания. На поле, между улицами Кронштадтской и Комсомольской, с упоением гоняли мяч раздетые по пояс пацаны. Вокруг, в тени лип и берез, стояли и сидели многочисленные разновозрастные зрители, весело покрикивая, комментируя и поддерживая игроков. Пройдя мимо десятка домов, Ира показала мне небольшой деревянный дом с застекленной верандой под шиферной крышей – «Вот здесь я и живу. Зайдем?»

– В другой раз. Боюсь, что на поезд опоздаю.

– Ну, нет так нет, – ответила Ирина. И мы пошли дальше в сторону Привокзальной площади. Когда до площади оставалось несколько десятков шагов, девушка внезапно остановилась и сказала: «Жаль, что ты сегодня уезжаешь. Может быть, останешься? Я тебя с родителями познакомлю. У тебя же еще есть время до прибытия в часть?»

– Прости, Ир. Не обижайся. Как бы мне ни хотелось, но остаться не могу. Мне в часть надо попасть пораньше. Я приеду. Как дадут отпуск.

– Ну, не можешь так не можешь. Писать будешь? Адрес не забыл?

– Напишу, как приеду в часть.

– Я буду ждать. Ты не обидишься, если я не пойду тебя провожать? – повернувшись ко мне лицом, осторожно спросила Ира.

– Нет.

– Ну, и хорошо, – ответила она и, резко повернувшись, пошла назад в сторону своего дома...

Вот и понимай после этого женщин... То буду провожать, то не буду. Может быть, это даже и лучше, что я остался один. Спасибо девчонкам. Они помогли мне немного адаптироваться и сделать первые шаги в этом мире...

Глава 2. В путь

Как и в мое время, Привокзальная площадь была вся в зелени лип и цветов, струях фонтана. За соблюдением порядка строго глядели молоденький милиционер и несколько военных патрулей. В тени деревьев со своими плетеными корзинками расположились старушки, продающие урожай садов и огородов. Ассортимент не так уж и плох – яблоки, молодой редис, вареные картошка и яйца, семечки в газетных кулечках. Из-под полы можно купить и бутылочку домашнего самогона. Прицениваясь и что-то покупая, к ним постоянно подходит разночинный народ: железнодорожники, рабочие с завода, пассажиры и провожающие, военные. Последних особенно много. В городе расквартирована куча воинских частей. Вот и приходят сюда в увольнение, благо в ДК «Знамя труда» есть все 33 удовольствия: крутят кино, работают секции, а вечером на летней площадке танцы под звуки духового оркестра одной из воинских частей. Здесь же назначались свидания и встречи. Тем более что и центр города совсем рядом. По широкой улице, окруженной цветущими липами, всего за десять минут можно дойти до площади Ленина, Центрального рынка и Набережной.

На перекрестке, напротив входа в красивое двухэтажное кирпичное красное здание (где до революции располагалось здание публичного дома), разместился книжный ларек с молоденькой продавщицей. У ларька, рассматривая книги, расположились несколько красноармейцев и пожилой мужчина в шляпе. До отправления поезда оставалось около получаса. Стоять и светиться у вагона, на глазах огромного количества отъезжающих и провожающих, не входило в мои планы. Поэтому я остановился у книжного киоска. Где только что освободилось место у прилавка – очередной покупатель, что-то купив, заторопился к вокзалу. Встав на его место, стал перебирать книги. Невзрачные по внешнему виду обложки, книги были просто замечательными. В свое время потратил кучу времени и денег на то, чтобы собрать такую подборку для домашней библиотеки.

Тут лежала достаточно приличная коллекция классиков литературы (как мировой, так и русской). Выбор политкниги был просто огромен: только одни работы Сталина чего стоили (в мое время днем с огнем не найдешь, исключительно у коллекционеров), а кроме него тут стояли работы Ленина, Кагановича, Краткая история ВКП(б) и т. д. Военная книга была представлена «библиотечкой командира», уставами, книгами по военной истории. Правда, отпечатано это было на не очень хорошей желтоватой бумаге и довольно тусклым шрифтом. Среди всего этого богатства для себя в дорогу нашел сборник стихов Есенина. Кроме того, мне удалось ознакомиться с интереснейшей книжечкой, которая меня искренне восхитила: написанный автором с простой русской фамилией Токарев и изданный Военным издательством Наркомата Обороны в сороковом году «Тактический справочник по германской армии». В ней четко, подробно были разобраны обычаи и привычки вермахта, рассказ о боевых группах, авиатехнике, снабжении и всем остальном. Причем не просто голыми словами, но и внятыми схемами. Надеюсь, что мне все это пригодится.

Все это время продавщица – молоденькая, симпатичная девушка – весело разговаривала с несколькими курсантами-летчиками и не обращала на меня почти никакого внимания. Заплатив деньги и получив сдачу, освободил место у прилавка, тут же занятое новым покупателем...

Вокзал жил своей обычной жизнью, не изменившейся и в моем мире... На путях свистели и пыхтели маневровые паровозы, буксами стучали вагоны, у складов кто-то матерился. На перроне суетился и двигался в разные стороны народ. Под большими часами над входом в здание вокзала в фуражке с красным верхом важно стоял дежурный по станции. На первом пути стоял состав из двух десятков синих и зеленых вагонов, с паровозом в голове. Посадка

разночинного народа в вагоны уже шла. У дверей толпились люди со своим багажом, с завистью смотревшие на тех, кто уже разместился и выходил из вагона постоять и подышать воздухом...

Получить по квитанции багаж много времени не заняло. Дел-то было отдать кладовщику квитанцию и получить от него чемодан и два больших тяжелых пакета. Ну, да, не такие тяжести таскали.

Мой вагон был рядом с вагоном-рестораном. У открытой двери вагона стояло несколько человек, в основном военные из числа старшего командного состава. Были и гражданские в костюмах и галстуках. Они о чем-то тихо разговаривали друг с другом и провожающими. В вагоне все блестело чистотой: ковровые дорожки, бархатные занавески на окнах, начищенные медяшки. Несколько купе были заняты, и из них слышался тихий разговор. Мое купе оказалось двухместным с мягкими полками, расположенными друг над другом. Полки с бархатной обивкой, нижняя – широкий диван со спинкой, напротив – широкое мягкое кресло и дверь в душевую – умывальник (одна на два купе). Мое место было на нижней полке. Положил вещи и впервые за все время посмотрел в зеркало. Оттуда на меня смотрел высокий, симпатичный, русоволосый, сероглазый, с правильными чертами лица молодой человек. Со свиданьем. Теперь хоть знаю, как выгляжу.

Время тянулось ужасно медленно и тоскливо. Прислонившись к окну, я смотрел на соседние пути, железнодорожные составы. Постепенно вагон заполнялся пассажирами, в соседних купе слышались разговоры и стук опускаемых полок. В следующие за моим купе никто так и не заселился. Проводник хриплым голосом прокричал: «Товарищи провожающие! До отправления поезда осталось пять минут, прошу освободить вагон». Провожающие заторопились покинуть вагон. Наконец раздался гудок паровоза, и поезд медленно тронулся с места. За окном провожающие махали руками, что-то кричали на прощание. За высоким деревянным забором промелькнули постройки и цеха завода «Ревтруд». С противоположной стороны показались казармы военного училища. Окраина города осталась за окном. Было бы прекрасно, если бы я ехал в купе один. Хотя это вряд ли. Кто-то обязательно подсядет...

Меня никто не беспокоил. Не считать же таким ожидаемое появление проводника с проверкой билета. Следующей большой остановкой поезда был Мичуринск, и я мог наслаждаться одиночеством не менее полутора часов. Так что до прибытия туда у меня было время изучить багаж.

Что везет военный, только что окончивший училище и получивший необходимое вещевое довольствие? Правильно, только его родное. Тем, чем его одарила Родина. Так что увидеть что-то необычное я даже и не надеялся.

В самом тяжелом из пакетов оказались зимние вещи.

Во втором пакете были более необходимые вещи: парадный китель командного состава со знаками различия лейтенанта, темно-синие галифе с кантом, летняя фуражка с двумя чехлами, тонкие форменные перчатки, кавалерийская (с двумя плечевыми ремнями) портупея, портянки, пустая командирская сумка, форменные с кантом брюки навыпуск, носки. Все новое и необмятое. Во внешнем левом кармане парадного кителя нашелся чистый носовой платочек и костяная расческа.

Обклеенный коричневым дерматином, с металлическими накладками на углах, дополнительными широкими ремнями снаружи, двумя металлическими блестящими замочками, достаточно легкий, вместительный и удобный чемодан лучился своим качеством. Ключ, найденный в кармашке, прекрасно подошел к замкам.

Раскрыв чемодан, стал изучать его содержимое, выкладывая вещи из него на полку. Ничего удивительного в нем не было: нижнее белье, комплект летней походной командирской формы, санитарные принадлежности, носки, фланель, ткань на подворотнички, носовые платки, пара тонких черных кожаных перчаток, запасная фурнитура, несколько чистых тетрадей (в мою любимую клеточку) и сапожный крем с щеткой. Были тут и деньги. Несколько тысяч

рублей, аккуратно завернутые в чистую бумагу и спрятанные в карман ношеного «хэбэ». В другом кармане нашелся еще один подарок – небольшой замшевый мешочек, в котором лежал золотого цвета перстень с крупным камнем. Само кольцо было старым, большим, широким, витым, с крупным восьмиугольным ограненным камнем. Камень был необычный. Он состоял из четырех цветов – белого, красного, желтого и изумрудного, переходивших из одного цвета в другой. Металл тяжелый, прохладный. На дужках кольца имелись спирали. Для того чтобы лучше рассмотреть перстень, я поднес его ближе к свету. Как только электрический свет коснулся камня, тот засверкал всеми огнями радуги и стал нагреваться. Камень в перстне сменил свое разноцветье на сплошной красно-желтый цвет. Примерил перстень, надев его на безымянный палец сначала правой, а затем левой руки. Перстень отлично сидел на пальце, не мешал, не вызывал отторжения и очень естественно смотрелся. Можно сказать: «Был как родной». Лучше всего он смотрелся на левой руке. Тяжесть металла совсем не чувствовалась.

Интересно, откуда у лейтенанта столько денег и такое украшение? Ну, да что тут заниматься копанием. Все равно правды не узнаю. Спасибо ему, что приготовил для меня столь ценный подарок.

На всякий случай еще раз осмотрел чемодан. Здесь меня ждал сюрприз. Оказывается, в чемодане было несколько отделений, разделенных плотным картоном, который я принял за отделку. Аккуратно отжав державшие картон скобы, я нашел отделение, служащее для хранения документов. К моей радости, там лежал большой клеенный из плотной, коричневатой бумаги конверт с сургучной печатью. Тут же лежали сопроводительные письма к пакету. Видимо, в связи с досрочным выпуском и для ускорения движения личных дел выпускников к новому месту службы кадровики выдали их на руки, с поручением сдать пакеты в УК, куда они направлялись. Как открывать такие письма, чтобы не повредить печать, меня в свое время научили. Правда, нужен чайник и главное – чтобы никто не мешал. Сложив вещи обратно в чемодан, убрал его на место.

Я так и не понял, в каком времени нахожусь – в той реальности, что я знаю, или альтернативной. Проверить это до наступления некоторых дат и событий ведь не смогу.

Только тут я понял, что у меня на пальце остался перстень! Я про него совершенно забыл! Странно, что я этого не заметил. Обычно со мной такого не происходило. Очень хотелось пить. Прямо сушняк напал. Да так, что горло сдавило. Тело категорически требовало воды. Пришлось идти в коридор напиться воды из тэна. Стало значительно легче.

Задумался о дальнейшем. В принципе, от меня сейчас ничего не зависело. Хотя нет. Есть одно очень важное дело, от которого зависело будущее, – надо написать письмо Сталину с предупреждением о войне и основных событиях ее начального периода. Писать письмо Вождю здесь, в вагоне, времени нет. А вот набросать его черновик вполне возможно и даже нужно. Достав из чемодана тетрадь, сел за стол. Вновь накатило, как будто морская волна накрыла с головой. Мысли понеслись вскачь. Это был огромный массив информации. Вычленив главное, стал быстро писать. Помогали мне в этом картинки, всплывающие в памяти. Писалось на удивление легко и свободно. Минут через тридцать все было готово.

Вновь сильно захотелось пить. Как будто жар изнутри сжигает всю воду во мне. Воспользовавшись кружкой, в очередной раз пополнил свой водный баланс. Полегчало... Это уже стало входить в систему.

Вчитался еще раз в написанное. Что ж, все верно, вроде бы все как надо. Если, что вспомню, дополню. В Мичуринске вагон вновь стал наполняться шумом. Во избежание проблем спрятал черновик в чемодан. Ко мне в купе так никто и не подсел. И поезд, стуча колесами на стыках рельс, уносил все дальше и дальше в темноту ночи.

Сообщение НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР

№ 1798/6 2 июня 1941 г.

Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашова и Лежайска сосредоточиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в м. Улянув (85 км юго-западнее Люблина) и штаб армии в фольварке Усьмеж (45 км юго-западнее Владимира-Волынского), командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения).

25 мая из Варшавы в направлении Люблин – Холм и Люблин – Замостье Грубешов отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто бомбардировщиков.

25 апреля из Болгарии в Восточную Пруссию прибыла 35-я пехотная дивизия.

В мае отмечено инспектирование частей германских войск в Восточной Пруссии и на территории Генерал-губернаторства и рекогносцировка в пограничной полосе высшими чинами германской армии.

5–7 мая Гитлер в сопровождении Геринга и Редера присутствовал на маневрах германского флота в Балтийском море, в районе Готтенгафен (Гдыня). В средних числах мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и с 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии.

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау – в районе м. Ульгувек (27 км восточнее Томашова и 9 км от линии границы), 18 мая генерал с группой офицеров – в районе Белжец (7 км юго-западнее Томашова, вблизи границы) и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов.

Продолжаются работы по устройству оборонительных сооружений вблизи границы, главным образом в ночное время.

Отпуска военнослужащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР в районы Воловец (Венгрия) и Сучава – Ботошаны (Румыния).

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар
внутренних дел СССР
Берия

Рано утром в коридоре раздался голос Петровича: «Граждане пассажиры! Просыпаемся, скоро прибудем в столицу нашей Родины Москву». Вагон стал наполняться шумом открываемых дверей купе, шагов, разговоров.

Одевшись и приведя себя в порядок, задумался о планах на день. В Москве особо мне делать было нечего. Было только одно обстоятельство, ради которого стоило задержаться в городе, – письмо Сталину. Конспект заготовлен и лежит, но для его составления потребуется еще время, и не малое. Часов 8–10 минимум. Необходимо все как следует обдумать и вспомнить. Да и с личным делом стоило разобраться. Надо искать место, где остановиться и где не будут мешать.

Чтобы не светиться, можно поискать комнату в частном секторе, но близ Белорусского вокзала хорошую комнату не найти. Жилищная проблема не решена. Большинство населения

живет в коммунальных квартирах с общей кухней и туалетом. Тишиной и спокойствием там точно не пахнет. Появившийся новый постоялец – событие неординарное, и ажиотаж будет обеспечен. Работать не дадут.

Остается только гостиница, как наиболее безопасный и законный способ отдыха и работы. Кроме «Националя», «Метрополя», «Гранд-Отеля» и «Москвы», других хороших гостиниц (с горячей водой, обслуживанием), по-моему, сейчас и нет. Хочется напоследок вкусить радости бытия. Лучше всего мне подходит недавно построенная «Москва», расположенная в шаговой доступности от Кремля, станции метро и магазинов. Насколько помню, в «Москве» размещали иностранцев, но немного. В основном там селили наших местных руководителей производств, депутатов, известных лиц, приглашенных в Кремль. Запрета на размещение иных лиц нет. Так что можно попробовать, ну, а не получится, буду искать другую. Только обязательно нужно взять такси, чтобы не обивать ноги в поисках.

Глава 3. Письмо Сталину

Поезд по расписанию прибыл на Саратовский (Павелецкий) вокзал. Открыв двери купе, через окно внимательно смотрел на надвигающийся город, стараясь найти знакомые с детства места. Город сильно отличался от того, что я знал. Все еще стояли полуразвалившиеся дома «Шанхая». Тем не менее город рос и строился. Везде виделись следы стройки. Двигались краны, по дорогам двигались грузовики и самосвалы...

Наконец, дав пронзительный гудок и стукнув буферами, поезд остановился. Дождавшись, пока поток пассажиров схлынул, я, подхватив багаж, вышел на перрон. На стоянке такси и остановке трамвая стояла куча народа. Поэтому я пошел на Садовое кольцо. Движение в городе было довольно активное. Примерно такое же, как в мое время в провинциальном городке в 8 часов утра воскресного дня. Двигались машины, трамваи, троллейбусы, конные повозки, автобусы, в том числе двухэтажные. Движение на перекрестках регулировали светофоры и сотрудники милиции в белых гимнастерках и шлемах. Мне удалось поймать такси – черную «Эмку» – такси «ГАЗ М-1». Машина шустро тронулась с места и влилась в транспортный поток.

До площади Свердлова добрались минут за двадцать. А что вы хотели, никаких пробок и заторов. Машина остановилась напротив входа в гостиницу. Дверь гостиницы мне любезно открыл одетый в отлично пошитую форму швейцар. В холле было прохладно и светло. Несмотря на ясный и солнечный летний день, здесь хрустальным светом горели люстры. За стойкой регистратуры стояло несколько очаровательных, необычно красивых, одетых в форменную одежду, мило улыбавшихся девушек, оформлявших гостей.

Нисколько не удивившись моей просьбе об одноместном номере, мне предложили люкс на пятом этаже. Я согласился, хоть и стоило это мне достаточно крупную сумму. Наверняка обычному советскому гражданину это было бы не по карману, но я себе мог позволить.

Все шло хорошо, даже слишком. Я расслабился. Доставшийся мне номер находился в той части здания, что выходила на Манежную площадь. Оформив документы и подхватив свои вещи, по привычке направился к лифту. Стоя у него, понял, что совершил грубую ошибку – не мог новоиспеченный лейтенант, ни разу не бывавший в этой гостинице, знать, где расположен номер и как к нему добраться, где находится лифт. Аккуратно осмотревшись, поймал на себе внимательный взгляд швейцара. Так, один прокол есть, и похоже, он вскорости будет отмечен в рапорте персонала. Жаль, что теперь не избежать пристального внимания. Но отступить нельзя – сделанного не воротишь. Буду надеяться на русское «Авось».

Отказавшись от услуг носильщика, поднялся на этаж. Здесь меня встретила администратор и несколько горничных. Поприветствовав и проверив карточку гостя, администратор направил со мной одну из горничных. Проводить и показать номер. Моим «Вергилием» стала молодая, моих лет, женщина по имени Таня. Добродушно улыбаясь, взяв ключ, пригласила следовать за собой. Пока мы шли по коридорам, Таня ненавязчиво и профессионально опросила меня – кто я, откуда, надолго ли здесь, цель приезда. На что я постарался полно ответить согласно легенде Седова.

Мой номер состоял из двух комнат: кабинета и спальни. Имелся отдельный санузел с большой и широкой ванной. Отделка номера поражала: в ней использовались ценные породы дерева, лепнина, мрамор, бронза, и в то же время он был какой-то теплый и уютный. Мебель, сделанная из мореного дуба. В шкафу нашелся встроенный сейф с кодовым замком. В кабинете стоял большой стол с мраморным письменным прибором и настольной бронзовой лампой с зеленым стеклянным плафоном. В ящиках стола находились писчая бумага и конверты. Горничная хорошо поставленным голосом рассказала, что на этаже есть парикмахерская, баня с бассейном и массажем, финская и турецкая сауны. Поест можно в ресторанах и барах на 1-м и 3-м этажах или на крыше гостиницы, где расположился ресторан под открытым небом.

При необходимости пищу можно заказать из ресторанов с доставкой в номер. Для этого нужно позвонить по телефону или обратиться к ней. С удовольствием я узнал, что, не выходя из гостиницы, можно оформить билет на поезд в любом направлении. О чем я тут же попросил Таню, отдав ей свой билет и деньги.

Оставшись один, я обошел и осмотрел номер, в том числе и для поиска «жучков». «Москва» пользовалась репутацией престижного отеля международного класса. Органы просто не могли не использовать такой шанс для наблюдения за постояльцами. Приборов для обнаружения «прослушки» у меня не было, но оставался опыт из прошлой жизни. Его я и использовал, исследуя комнаты. Существующие в этом времени микрофоны были достаточно громоздкими, и мест для их установки не так много. В известных для меня точках установки ничего не нашел. Или их не было совсем, или они были вмонтированы в стены, но без специальной аппаратуры найти их невозможно. В принципе ничего противозаконного я делать не собирался. Но береженого Бог бережет, а не береженого конвой.

Оставался еще возможный обыск моего багажа. Но здесь можно постараться избежать опасности. Просто к нему подготовившись. Надолго покидать номер я не собирался. Только для еды и закупки необходимого. По мере написания письма черновики уничтожу, сжигая в ванной. С готовым письмом расстанусь только у почтового ящика на Старой площади. Поэтому в сейф переместились черновик письма, лишние документы и оружие. Вещи из чемодана развесил в шкафу, а все деньги переложил в гимнастерку. Парадная форма, несмотря на все мои старания, помялась. Надо было подумать о приведении ее в порядок: погладить и почистить.

Приведя себя в порядок, решил сходить позавтракать. В коридоре мне встретила Таня, катившая тележку с бельем. Я объяснил ей свою проблему с формой. Она пообещала сделать все в лучшем виде. Естественно, я ей поверил. И форму погладит, и вещи досмотрит.

Посетителей в ресторане было мало. Пока несли заказ, полюбовался видом Москвы с птичьего полета. Подумалось: «А где купить бумагу в центре?» Здесь вокруг куча книжных магазинов, самые ближние недалеко от Театра оперетты в проезде Художественного театра (Камергерском переулке), на улице 25 Октября (Никольской), в ГУМе, да и здесь, в гостинице, на первом этаже тоже должен быть магазин. По устоявшейся много лет вперед традиции нужно было сходить на Красную площадь. Вот там в ГУМе и куплю. Завтрак подали быстро. Повар был выше всяких похвал, хлеб свежим, а кофе отлично заваренным. Жизнь налаживалась.

Проходя мимо Исторического музея, обратил внимание на вывеску «Срочное фото», висевшую на здании напротив билетных касс музея. Фотоателье пользовалось успехом у посетителей, заполнивших собой небольшой холл и стоявших в очереди, в том числе и на улице. Я присоединился к ним. За столом пожилой, совершенно седой мужчина лет пятидесяти оформлял и выдавал заказы, а его помощница, симпатичная женщина средних лет, делала в студии снимки. Передо мной стояла группа молодых лейтенантов-пехотинцев, скорее всего, как и Седов, недавних выпускников училища. Слишком новой и необмятой смотрелась на них форма. Ребята стояли и обсуждали фото на витрине. Посмотреть там действительно было на что: на стенах висели стенды, где под стеклом были размещены фотопортреты, видимо, еще с начала века и до недавнего времени. Стоя у одного из них, высокий, темноволосый, крепко сложенный лейтенант возмущался нахождением на них фотографий офицеров царской армии, по его словам, сатрапов и угнетателей рабочего класса. Другой, почти полная копия первого, только немного поменьше ростом, его успокаивал. Пожилой администратор продолжал свою работу, совершенно не обращая внимания на возмутителей спокойствия. Внимательно рассмотрев снимок, на который указывал высокий лейтенант, я вмешался в разговор, сказав: «Вообще-то фото – это застывшие мгновения истории, от страниц которой отделаться не так просто. Фото сделано в годы мировой войны. Пехотный прапорщик не кадровый, видимо, производства военного времени. На нем мундир полевого образца, погоны номерных полков, отсутствует знак об окончании юнкерского училища. Так что вряд ли он мог быть сатрапом

и тем более угнетателем народа. Слишком юным выглядит. Студент или из вольноопределяющихся. Скорее всего снимок сделан после окончания курса на память перед отправкой на фронт. Он чем-то похож на нас».

А вот висевшая рядышком фотография заинтересовала меня. О чем я рассказал парням. На ней был изображен пехотный капитан. Явно сидевший в окопах и успевший повоевать. На мундире были ордена св. Георгия и св. Владимира с мечами, на шашке имелся знак ордена св. Анны 4-й степени. Фотограф смог передать всю глубину этого несомненно храброго и мужественного человека. Что меня в нем заинтересовало, так это печальный взгляд очень уставшего человека, пережившего боль утраты. И никто не знает судьбы этих офицеров – защитников Родины. Может, они погибли в Мазурских болотах, Галиции, Восточной Пруссии, а не пропали на полях сражений Гражданской войны? Своими словами я сбил накал страстей. Кроме того, я заметил заинтересованный взгляд «дедка-администратора».

Мы разговорились с парнями, заинтересовавшимися моими выводами о фото, почему и на основании чего я их сделал. Я представился: «Лейтенант Владимир Седов, выпускник Тамбовского пехотного, еду к месту службы в Минск». Ребята тоже представились. Высокий назвался Сергеем, второй Михаилом. Оказалось, я был прав в своих предположениях – они только что окончили Казанское пехотное училище им. Верховного Совета Татарской АССР и тоже едут к новому месту службы в Киев. Поезд вечером, чтобы не терять попусту времени, решили побывать в сердце столицы, своими глазами увидеть Красную площадь, Мавзолей и Кремль. Решили сделать фото на память, тем более что снимки должны быть готовы через несколько часов. Сами же походят и посмотрят вокруг. Сказал парням, что могу им с этим помочь: покажу и расскажу все, что знаю сам. Они согласились. Так беседа, мы дождались своей очереди. Парни решили сделать себе художественное фото. По одному проходили в студию и там фотографировались. Я решил не мелочиться. Когда подошла моя очередь, администратор принял мой заказ на фото и направил в студию. Сергей зашел вместе со мной. Пока я рассматривал обстановку, в студию зашел дедок-администратор и стал за аппарат, заменив в нем пластину. Посмотрев на меня, он сказал:

– Ну, молодой человек, давайте приступим. Хотел вам сказать, что очень приятно видеть у себя человека, разбирающегося в давно забытых деталях истории. Где учились?

– Просто думаю, что надо знать историю своей Родины и ее армии. Кстати, фотографии действительно очень выразительны.

– Рад за вас. Спасибо за оценку моего скромного труда. Я делал тот снимок, что вас заинтересовал. Все, что вы говорили, правда. Только прапорщик был кадровый, служил в Сибирской бригаде. Это не ваша ошибка... Вы этого знать не могли – китель не его, свой он испачкал здесь, когда готовился к снимку. Прапорщик спешил и очень расстроился из-за неприятности. Нужно было помочь человеку. У нас здесь своя небольшая костюмерная, и мы ему подобрали китель для снимка... Кстати, за снимком он так и не пришел, адреса, куда выслать фото, не оставил... Ну, а мы продолжаем хранить снимки всех, кто фотографировался и за ними не пришел. Ладно, это все дела давно минувших дней. Поднимите голову. Так, немного поверните вправо, подбородок чуть-чуть выше. Вот так. Замрите – сейчас вылетит птичка. Прекрасно. Еще раз. Спасибо. Какой вы хотите фон за своей спиной – мы можем сделать любой – Кремль, Спасскую башню, Мавзолей, Исторический музей? Выбирайте.

– Спасибо, выберите сами. Мне в принципе все равно. Скажите, снимки действительно будут готовы через два часа?

– Конечно, фирма гарантирует. Сейчас сделаем снимки, и я отдам ваши в первую очередь. Все будет как надо. Кстати, молодые люди, а не хотели бы вы сделать себе еще один художественный снимок? В костюмах прошедших веков, так сказать, – неожиданно обратился к нам фотограф. – У нас они сохранились. Вы мне почему-то понравились. Мне было бы инте-

ресно поработать с вашими лицами. Обещаю, будет очень интересно. Стоит не дорого. Фото заберете вместе с заказанными. Не понравится – уничтожим.

Сергей вопросительно посмотрел на меня.

– Почему бы и нет, все равно мы уже здесь, – согласился я. – Ты как, Сережа?

– Только не беляком, – немного подумав, ответил он.

– Прекрасно. Мы подберем вам костюм, скажем, революционного матроса, – предложил фотограф. – Галифе менять не надо. Тогда многие ходили в схожих. На снимке видно не будет. Так, ну а вам? Может быть, что-то конкретно хотите? Какой-нибудь век?

– Мне все равно. Лишь бы это был русский военный мундир до начала XX века.

– Подождите пару минут. Сейчас все принесу, – с этими словами фотограф, забрав пластины, вышел в коридор.

К нам в студию, отодвинув штору, заглянул Михаил:

– Ну, что, скоро вы? Долго вас ждать?

– Сейчас еще по снимку сделаем и придем, – ответил я.

– Тогда мы пойдем покурим на улице, – сказал Михаил и исчез.

Почти сразу зашел фотограф, принесший костюмы.

– Вот это вам, – протягивая Сергею бескозырку, тельняшку и тужурку, сказал он и продолжил, уже обращаясь ко мне! – Ну, а это вам, молодой человек. Я думаю, офицерский мундир одного из самых старых русских полков, Конного лейб-гвардии полка, должен подойти.

Форма, доставшаяся мне, была настоящая, «бальная», с брюками навыпуск. Мы с Сергеем стали быстро переодеваться. Первым оделся Сергей. Смотрясь в большое напольное зеркало, он по-детски гримасничал. Было видно, что он доволен своим видом.

Мне разобраться со своим костюмом тоже особых проблем не составило. Одевшись и застегнув на поясе шитую португую, я спокойно ждал своей очереди. Смотреться в зеркало желания не было, интереснее было наблюдать за фотосессией. Настроив аппарат, «дед» стал руководить съемками – где и как стоять и сидеть Сергею. После чего сделал несколько снимков. Затем пригласил меня.

Держа в руках тяжелую форменную каску, я двинулся под свет софитов, который мешал видеть остальную комнату. Подойдя к экрану, остановился и посмотрел в сторону фотографа. Было такое ощущение, что все вокруг застыло и затихло. Потом раздался вздох, и явно не одного человека.

– Вот это да!!! – сказал кто-то. Я повернул голову в сторону говорившего, но так никого и не увидел – слепил свет. Раздался щелчок, а затем еще. Мне почему-то разонравилась идея сниматься. Не дожидаясь команды, сел в кресло, поставив каску на пол. Фотограф сделал еще несколько снимков. Поблагодарил и разрешил переодеваться.

– Ну, ты даешь! – услышал я от Сергея. – Прямо аристократ какой-то. Мундир сидит как влитой.

– Что, действительно хорошо смотрелся?

– Просто отлично. Сразу чувствовалось, что настоящий военный.

– Ладно, давай собираться, а то ребята заждались.

Быстро одевшись и отдав костюмы подошедшей помощнице фотографа, уточнив время, когда прийти за снимками, мы наконец вышли на улицу.

– Где вы пропадали? Мы уже собрались идти на поиски! – набросились на нас парни.

– Да так, потом увидите, когда снимки получим, – напуская дыма, отвечал Сергей. – Нам поступило заманчивое предложение, и мы не смогли отказаться...

– Ребята, пойдемте. Я постараюсь выполнить свое обещание. Надеюсь, бить потом не будете. Давайте начнем отсюда. – Предложил я и начал рассказ о создании Исторического музея, снятых с башен здания в 1935 году двуглавых орлах и геральдических фигурах львов и единорогов...

Медленно идя по брусчатке Красной площади, я рассказывал парням об истории и создании Кремля, соборе Василия Блаженного (Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву), памятнике Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, Лобном месте, Китай-городе, Гостином дворе. Наша группа лейтенантов, со мной во главе, смотрелась достаточно колоритно. В ходе рассказа я заметил, что к нам присоединилось еще несколько человек – то ли зевак, то ли из службы охраны. Ребята слушали внимательно, лишь иногда переспрашивая неясное. Внешней охраны Кремля заметно не было. Только несколько милиционеров прохаживались в отдалении, да у въездных ворот Спасской башни стояли бойцы охраны. Экскурсия длилась где-то полтора часа. Сделав круг почета вокруг Красной площади и ее достопримечательностей, мы остановились у входа в здание Верхних Торговых рядов (ГУМа) со стороны улицы Куйбышева (Ильинки). В 1936 г. его готовили к сносу, но работы остановили и отдали под размещение различных организаций. На первом этаже работал продовольственный магазин, лоточицы продавали мороженое. Закончив свой рассказ, я предложил подкрепиться мороженым, что было принято на «ура».

Кто не жил в Советском Союзе, тот никогда не узнает вкуса настоящего мороженого, а кто жил, тот его не забудет. Все, что продавалось после 80-х годов XX века у нас в стране, уже нельзя считать мороженым. Пусть оно было неприглядным на вид и за ним приходилось выстаивать длинные очереди, зато каким счастьем было ощутить его нежный молочный вкус на губах. Сливочное, пломбир, фруктово-ягодное, вафельные стаканчики с кремовыми розочками, эскимо, рожок с шоколадной глазурью. В отечественном «холодке» не было ни единого консерванта, только натуральное молоко! К тому же стаканчики, брикеты и эскимо по всей стране изготавливались по единой технологии и содержали только молочные жиры. Поэтому вкус десерта в любом городе Союза был одинаковым! Этим мы обязаны ГОСТу 117-41, введенному 12 марта 1941 г. Он считался одним из самых жестких в мире. Вот сейчас у нас была возможность его поесть. Лоточница нам предложила на выбор: мороженое с «лебедем» (13 коп.), молочное (9 коп.), фруктовое (7 коп.), шоколадное «эскимо» малое (11 коп.), большое (22 коп.) в брикетах и стаканчиках. Бери – не хочу. С жадности мы взяли по несколько штук сразу и теперь стояли и наслаждались вкусом. Кое-кто из парней мороженое ел первый раз в жизни. Правда, мороженое в брикетах быстро растаяло и потекло по пальцам, делая их липкими. Я предложил помыть руки. Себе я брал мороженое в стаканчике, и мне мыть руки было не нужно. Показав, где находится туалет, остался их ждать у фонтана.

Был рабочий день – вторник. Мимо меня по своим делам ходил народ, а я наслаждался шумом падающей прохладной воды. На входе со стороны Никольской работал магазин канцелярских товаров. Магазин хотя и был небольшой, но поражал наличием товара не только местного, но и зарубежного производства. Посетителей в нем было мало, никто из них ничего не покупал, просто прохаживался и рассматривал полки с товаром. Может, их отпугивали цены? Мне лично они показались нормальными. Рассматривая полки, я нашел нужные мне вещи – перьевую ручку Parker VACUMATIC, вдобавок ко всему с золотым пером. Здесь же были чернила для нее «QUINK». Кроме того, заметил отличную белую писчую бумагу в пачках, большие почтовые конверты, малоформатный фотоаппарат «ФЭД» – точную копию немецкой «Leica II», была и фотопленка «Kodak». Увидев, что я заинтересовался товаром, ко мне подошел продавец. Поздоровавшись, он поинтересовался, что меня заинтересовало. Я перечислил, что хотел бы приобрести. Продавец внимательно на меня посмотрел и поинтересовался, чем я буду рассчитываться.

– Наличными, – ответил я и уточнил, что хотел бы взять всю имеющуюся фотопленку.

Еще раз внимательно посмотрев на меня, продавец стал собирать и выкладывать на прилавок перечисленные мной вещи. Сумма получилась приличная – больше 1,5 тысячи рублей. Одна ручка потянула 650 рублей. Но жалеть деньги я не стал, так как особого смысла их беречь не видел. Все покупки мне связали в один пакет. Поблагодарив продавца, я вышел из поме-

щения. Только тут обратил внимание, что это Коммерческий магазин. Стала понятна реакция посетителей магазина на цены – видимо, они действительно были крутоваты. У фонтана меня уже ждали парни. Похвастался покупками, и мы направились в ателье.

Наши фотографии были готовы. Конверты с ними выдала помощница фотографа, предлагая их предварительно посмотреть и проверить. Фотографу удалось сделать действительно качественные снимки. На каждой фотографии, несмотря на схожесть фона и внешнего вида снимавшихся, жили индивидуальности со своими характерами и мыслями. Но все разговоры стихли, когда мы с Сергеем стали смотреть свои снимки.

На фото Сергея жил молодой, лихой краснофлотец времен Гражданской войны, во флотской тужурке, тельняшке и бескозырке. В его глазах светился задор и молодость.

Мне досталось несколько комплектов фото. Те, что были предназначены для документов, и художественное фото в военной форме мне понравились. С них открыто смотрел молодой, симпатичный и улыбчивый лейтенант пехоты. С остальных на мир смотрел аристократ – царский офицер в придворной бальной форме. На лице, одновременно и строгом, и привлекательном, читались скука и пресыщенность жизнью. В его глазах светились ум, власть и жесткость. Но на том комплекте, где у меня была повязка на голове, жил уже совсем другой офицер. Боевой, а не придворный завсегдатель. Здесь на лице уже читалась усталость и стремление к жизни. На всех фото их герой жил своей жизнью, сам того не ведая. Фотограф действительно был мастером своего дела.

Помощница фотографа спросила: «Понравились ли вам снимки?» Мы почти хором это подтвердили. Она улыбнулась: «Совсем оглушили!» и предложила их оплатить. Что мы и сделали.

Время было обеденное. Пора было подкрепиться. Из старых, близко находящихся мест питания я знал только ресторан «Славянский базар», что на Никольской. Ну и пару дешевых пивных и столовых, что были в мое время там же. Еще вариант – рестораны в гостинице «Москва». Кстати, очень перспективный – можно убить сразу несколько зайцев: показаться перед швейцаром и остальным обслуживающим персоналом гостиницы в группе сослуживцев. Вот и предложил пообедать в ресторане при гостинице, где остановился, тем более что совсем рядом. Народ согласился, прогулка на свежем воздухе у всех возбудила аппетит. Дверь нам открыл тот же швейцар, что и утром. В ресторане, заняв и сдвинув несколько столов, мы сделали заказ – много мяса, овощей и водки. Вскоре принесли заказ, и мы смогли насладиться мастерством поваров.

За обедом, разговором, воспоминаниями учебного процесса, шумно и весело, прекрасно провели время. Мне пришлось молчать, слушая других, иногда вставляя рассказы из своей прошлой жизни. Время текло незаметно, и стрелки часов подошли к 15 часам. Пора было прощаться, у ребят скоро поезд, а им еще добираться на Киевский. Рассчитавшись, мы вышли на свежий воздух. За те несколько часов, что провели вместе, мы сдружились. Особенно с Сергеем Поповым. Он оставил мне адрес своих родителей в Казани и просил писать туда. У входа на станцию метро мы простились, пожав на прощание руки и пообещав друг другу списаться через Сергеевых родителей. После чего ребята скрылись за дверями станции. Я же пошел в гостиницу, мне еще надо было работать. Письменный стол и бумага ждали меня...

Из записки Л. П. Берии лично И. В. Сталину от 02.06.41 г. № 1798/Б

«...В районах Томашов и Лежайск сосредоточились две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии... и штаб армии в фольварке Усьмеж... командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения)... 25 мая из Варшавы... отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью... Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы... Во мно-

гих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов...»

Дорога обратно заняла всего несколько минут. На лифте поднялся к себе на этаж. Первого, кого встретил, была Татьяна. Улыбнувшись, поздравила с покупками, что были у меня в руках. А затем доложила, что все сделала, как я просил. И, подойдя к столу, отдала мне конверт с билетом на поезд и остатком денег. Мой поезд до Минска убывал завтра в 16 часов, вагон купейный, полка нижняя. Подавая ключ от номера, продолжила: «Форму погладила. Я на всякий случай оставила щетку. Вдруг потребуется. Если что еще надо, не стесняйтесь, говорите».

К своему стыду, я понял, что совсем забыл купить презент Тане за ее работу. Но в принципе не все потеряно. Поблагодарив, поинтересовался, сколько должен за работу. На что получил ответ: «Ничего. Все оплачено из остатка денег от переоформления билета. Квитанция в конверте». Мне осталось еще раз поблагодарить и пригласить девушку заходить в свободное время на коньяк.

В номере выложил на стол купленные письменные принадлежности. В шкафу проверил форму. Она была прекрасно выглажена. О стрелки можно было бы поранить пальцы, так что должен я Тане по самое не хочу. Полюбовавшись формой, разделся.

Решил начать с самого простого – конверта с документами Седова. Достав и положив конверт перед собой на стол, стал рассматривать его. Обычный, склеенный из плотной, коричневатой, оберточной бумаги конверт с сургучной печатью. Как его вскрыть, не повредив, знал. В свое время натренировали. Подогрев электрочайник, принялся за дело. Вскоре конверт дал возможность посмотреть в свое нутро. Там находилась папка в бело-серой матерчатой обложке. Как и ожидалось, это было личное дело лейтенанта Седова Владимира Николаевича, 1921 г.р. Материала для изучения было море – страниц двадцать пять.

Сами корочки чистые с несколькими отметками, но что они означают, не помню. После войны кодировку поменяли, и современные мне знания по ним здесь не прокатят. Раскрыв дело, стал его просматривать. С фотографии, сделанной в марте текущего года, еще в курсантской форме, на меня смотрел Седов. Послужной список, автобиография, аттестация и анкета дополнили мои знания о себе любимом: из крестьян, с четырех лет воспитывался в детдоме недалеко от Тамбова. Родителей не помнит. Доставлен в детдом сотрудниками ОГПУ с ж.д. станции Тамбов, где несколько суток голодал. На «хорошо» и «отлично» окончил десятилетку при детдоме. Член ВЛКСМ, был секретарем комсомольской организации (несколько раз подчеркнуто красным карандашом) школы. После школы, в тридцать девятом, в соответствии с собственным желанием и по комсомольской путевке горкома комсомола направлен для обучения в пехотное училище. Окончил полный курс ТКУ. Приказом НКО № 0170 от 14 мая 1941 г. досрочно выпущен в воинском звании «лейтенант». Не участвовал, не состоял, не привлекался. Не женат. Родственников не имеет. Оценки у курсанта хорошие. Хорошо знает немецкий и может на нем говорить!!! (Вот прокол – я его помню с пятого на десятое. В последний раз учил в институте, но потом практики не было и почти забыл.) Активист, спортсмен-разрядник, «Ворошиловский стрелок», водит автомобиль и мотоцикл. Характеристика положительная. Короче, настоящий «ариец».

Автобиография написана перед выпуском. Кадровики постарались. Почерк мелкий, буквы с крутым, отвесным наклоном – очень похож на мой. В аттестации молодого лейтенанта заинтересовала и отметка особого отдела. Взысканий по служебной линии не имел. Для чего тогда особист отметку поставил? Обычно хватает подписи непосредственного начальника. Или я что-то пропустил и было такое требование? Ладно, чего голову забивать.

Что ж, теперь хоть немного, но познакомился с прошлым своего Седова. Вообще прекрасно, что он дело вез с собой. Было бы по-другому – не знал бы, что и делать. Надеюсь, и так прокатит.

Достав полученные фотографии, вложил их в личное дело, дополнив старые. Несколько маленьких оставил себе, потребуются поменять удостоверение в части. Подготовив таким образом личное дело, убрал его на место в чемодан.

Теперь можно было заняться главным, для чего остался в Москве, – письмом к Сталину. Раскрыв пачку с бумагой и заправив ручку чернилами, развернул перед собой черновик, сосредоточиваясь. Мое внимание все время отвлекал перстень, мешая своим светом. А потом...

Привычно накатило, освобождая мысли и чувства. Мысль летела через время и пространство. Вспоминались планы немецкого командования, направления ударов, перечень частей и соединений, сосредоточиваемых у нашей границы, их командный состав, места дислокации, схемы и карты приграничных сражений, действия сторон. Слабые и сильные стороны вооружения и техники. Организационная структура СС и СД, партаппарата, вермахта. Уже давно забытые прочитанные книги и материалы, мемуары, персоналии и их характеристики. Ошибки в руководстве войсками. Предательство нашего высшего комсостава (особенно в Западном ОВО). Обсуждения. Фотографии, художественные и документальные фильмы, события, сражения и итоги Великой Отечественной войны. Кроме всего прочего, вспомнились тайные немецкие базы и тайные аэродромы на островах архипелага Земля Франца-Иосифа, Междушарский (архипелаг Новая Земля), на новоземельских мысах Константина и Пинегина, у архангельских деревень Мегра, Верхняя Золотица, Погорелец и в Лешуконском районе, у Окулова озера. Именно на их основе была создана надежная система контроля всей акватории Карского моря, а возможно, и системы дальней разведки рейха. Вспомнилась и организация эвакуации предприятий и организаций с оккупированных территорий, и бардак, творившийся тогда. Предательство ряда народностей – украинцев, прибалтов, чеченцев, крымских татар, калмыков, грузин. В голове всплыло предположение об отравлении Сталина в ночь с 21 на 22 июня 1941 г., прочитанное когда-то на одном из форумов, посвященных Великой Отечественной войне. Там утверждалось, что именно поэтому он не мог руководить страной в период с 22 по 25 июня. А когда оклемался и 25-го смог приехать в Генштаб, понял, как военные подставили страну и его лично. Не смог сдержать своего гнева. У Жукова по этому поводу в мемуарах частично описано. Не знаю, кому как, но мне это предположение показалось достаточно обоснованным и правдоподобным. Вспомнились месторождения природных ископаемых, которых так будет не хватать стране. Все-таки хорошо нас учили в школе на уроках географии. Конечно, без особой конкретики, но тем не менее. И обо всем этом замалчивать не стоило, хоть этим еще немного помочь Родине. Картинки менялись пулеметной лентой, надолго не задерживаясь в голове и давая возможность другой появиться на свет. Все это формировалось в готовые и чеканные фразы и слова, что ложились на бумагу.

Очнулся в сумерках. Очень сильно хотелось ПИТЬ. Схватил графин с водой, который стоял рядом, и полностью осушил его. Немного полегчало...

Электрический свет лампы освещал стол. На нем лежала большая пачка пронумерованных, исписанных с обеих сторон листов. Флакон с чернилами был фактически пуст, так, совсем чуть-чуть на самом дне. Остаток чистой бумаги составлял всего листов сто, не больше. Неплохо так поработал. Взяв верхний листок, вчитался. Затем еще, еще и еще... Написано, конечно, как курица лапой. Мелко, но главное – можно без труда разобрать и прочитать. Вроде бы все, что хотел сообщить, написал. Еще раз перелистал написанное. Да, все. Больше писать не стоит. Если письмо дойдет до адресата, история может основательно измениться. То, что я знаю и учил, уже не случится. Ну, а если не дойдет, то все было зря. Останется только убить как можно больше врагов, чтобы до конца выполнить свой долг перед РОДИНОЙ. О плохом думать совершенно не хочется, буду надеяться все-таки на лучшее...

Переложил в конверты плоды своего труда. Всего получилось 7 двойных конвертов. На внешних конвертах надписал: «Москва. ЦК ВКП(б). Сталину И. В. «Воздух». Строго конфиденциально. Не вскрывать без адресата. Вручить лично в руки». На внутренних: «Москва.

Кремль. Сталину. «Воздух». Особой Государственной Важности. Не вскрывать без адресата. Пакет №__». Между конвертами вложил информационное письмо для охраны Сталина, в котором просил провести проверку без вскрытия внутреннего конверта. Насколько помнил, вся корреспонденция с такими пометками обычно сразу же доставлялась Сталину.

В ящике стола нашелся канцелярский клей, которым и заклеил пакеты. Осталось их опустить в почтовый ящик. Бросать в гостинице посчитал опасным из-за того, что пакеты увидит куча народа и будет в курсе о письме, пока оно идет к адресату. Надо жить скромнее. Ножками прогуляться до Старой площади и там бросить в ящик для корреспонденции ЦК ВКП(б). Тем более это совсем рядом и идти туда минут двадцать. Если через проходные дворы, то можно быстрее. Надеюсь, на ночь их не перекурывают...

Плотно закрыв дверь в ванной, сжег черновик, спустив с туалет пепел. Дождавшись, когда высохнет клей и выветрится дым, быстро собрался и вышел из номера. Сдавать ключ администратору не стал, все равно скоро вернусь. Выйдя на улицу, двинулся по давно и хорошо знакомому маршруту Охотный ряд – Старая площадь, д. 4. Несмотря на позднее время, на улицах народа прибавилось. Люди прогуливались в сквере у Большого театра, стояли у входа в метро. Работали киоскеры с табаком, лоточницы продавали мороженое и газировку.

До места дошел быстро. Вход в здание освещался лампочкой. Охраны видно не было, но в том, что «наружка» ведет наблюдение, абсолютно не сомневался. Все же это стратегический объект, который и охраняться должен соответственно. Ничего предосудительного я не делал. Так что не думаю, что они сразу же меня станут брать. Вот снимок вполне могут сделать. Ну и поинтересоваться, кто и что бросил в ящик в такое позднее время. Хотя, бог его знает, как сейчас здесь организована охрана. Не спеша раскрыв пакет, побросал конверты в окошко почтового ящика, закрепленного на стене рядом с входом. Спокойно свернул оставшуюся бумагу и медленно пошел назад. Меня никто не преследовал. Бульвар был пуст. «Наружку» так и не заметил.

Вернувшись в гостиницу, поднялся в ресторан. За столиками сидели немногочисленные посетители. Заказал ужин, а также шоколад и коньяк Тане. С удовольствием съев поданный ужин и запив его несколькими бутылками «Боржоми», решил вернуться в номер и как следует выспаться.

Таня меня встретила на этаже. Она поинтересовалась, как мне понравилась ее работа. Поблагодарил ее за сделанное и вручил пакет с шоколадом и коньяком. Девушка засмушалась и сначала отнекивалась, но затем все-таки забрала пакет, пообещав разделить его с подругами. Еще раз поблагодарив, я пошел к себе...

Все запланированное мною выполнено. Опять захотелось пить. Я снова ополовинил кувшин. Кстати, интересно, кто его наполнял? Насколько помню, я этого не делал и оставил пустым на столе. Видимо, в мое отсутствие кто-то из obsługi, или еще кто, был в номере. Вот и позаботился. Чемодан, кстати, тоже досмотрели. Волосок, заранее укрепленный на нем, отсутствовал. Но это было ожидаемо. Надеюсь, ничего предосудительного там не нашли и не подкинули, а то бы давно ласты скрутили. Глаза слипались, усталость последних дней брала свое. Преодолевая себя, из последних сил разделся. Не помню, как дошел до постели и провалился в сон...

Из беседы, состоявшейся в служебном кабинете на втором этаже гостиницы «Москва»:

– Ты чего к парню привязался? Обычный «лейтех». Едет после окончания училища к месту службы. Остановился у нас на сутки до поезда. Поезд завтра. Татьяна говорит – спокойный, приятный, культурный. Явно городской – говорит слишком правильно, начитанный, с деньгами. Деньгами не сорит. Что тут такого? Почему к нему надо присмотреться?

– Как тебе сказать... Странный, чужой он какой-то... Вот себя вспомни после окончания курсов. У тебя что, три комплекта формы с кучей нижнего белья с собой было?

– Эка ты взял. Когда это было. У меня, кроме формы, что на мне была, да исподнего, с кое-какой мелочовкой, в чемоданчике не было ничего. Потом уж, когда подъемные получил да обжился, все и приобрел. Но времени то уже 6 лет прошло. Люди лучше жить стали, снабжают лучше.

– Ага, и у нас поселиться могут?! И «самописки» за огромные деньги иметь? И фотоаппарат с кучей фотопленки? Что ни говори – богатыми люди стали! Себе-то не ври! У тебя самого это есть? Вот то-то и оно, что нет! А у молодого, неоперившегося командира есть! А еще у меня и у девчонок сложилось впечатление, что он здесь не первый раз. Когда он от регистратуры к лифту шел, я сам видел. Татьяна заметила, что на этаже хорошо ориентируется. А говоришь не странно!

– Возможно, ты и прав, но у него мы ничего не нашли. Комплекты формы и нижнего белья – это разве предосудительно? Сам знаешь, что нет. Фотоаппарат и фотопленка? Татьяна сказала, что он днем выходил без пакета, а вернулся с объемным пакетом. Возможно, купил здесь. А останавливался, может быть, здесь раньше, ты же не всех мог запомнить. Он молодой, может, с родителями приезжал.

– Все может быть. Но память у меня на лица хорошая и не подводила. Если бы я его раньше видел, то вспомнил бы. Гостиница не так давно открылась, я тут почитай с первого дня. С памятью проблем раньше никогда не было. Потому и держат здесь. Я уж и так и этак пытался вспомнить, но не получается. Вот и выходит, что не было его у нас. Возникает закономерный вопрос: «Откуда он может знать, что и где находится?» Подозрительно все это. То, что документы у него в порядке, еще ничего не говорит. Сейчас что хочешь могут сделать. А ты говоришь, прицепился! Кстати, когда он пришел с компанией в ресторан, кто их обслуживал?

– Я и обслуживал. О чем говорили? Да ни о чем. Пока все доставлял и расставлял, наслушался... Они все с одного училища, вспоминали учебу, преподавателей. Ничего интересного, обычный треп... Адресами обменивались. Я так понял, что они в разные округа едут. Твой в Белоруссию, а остальные в Киев... Кстати, в училище звонил? Проверял его?

– Через дежурного по управлению пробивал. Все сходится. Приметы совпадают. Номер удостоверения и предписания соответствуют. Следует в Минск за назначением, срок прибытия не нарушает. Вроде бы все в норме, но чувствую что-то. Никак не пойму что. Сам же знаешь, берешь яблоко, снаружи красивое и свежее, а откусишь – внутри гниль. Вот так и тут. Вроде бы все с Седовым понятно – нормальный выпускник, а все равно гложет сомнение. Гнетет что-то в нем. А что, не пойму. Объяснить сложно. Какой-то он не наш, что ли. Ведет себя слишком раскованно, свободно. Так у нас обычно иностранцы себя ведут. Но в то же время он не такой, как они. Чувствую, а сказать и понять не могу. Как тебе его фотокарточки?

– Хорошие снимки. Здесь сделаны. Я, похоже, знаю, кто их делал. Ты когда отчет составлять будешь, не забудь про них указать, так, на всякий случай. Я Татьяну предупредил, она тоже укажет... Ну, а посмотреть – посмотрим и по смене сообщим. И еще. Раз ты настаиваешь, то поручу Татьяне его еще раз проверить и посмотреть за ним...

Глава 4. В Москву

Проснулся рано утром. День обещал быть солнечным и ярким. По небу не спеша плыли облака. Поливальные машины мыли асфальт, а в брызгах воды сверкала радуга. Себя чувствовал отдохнувшим и удовлетворенным выполненными вчера делами. Главное – письмо Сталину было отправлено. О чем можно было предупредить, сделал, остальное в его руках. Как он отнесется к очередному предупреждению и что он предпримет? Насколько я помнил, от нашей разведки постоянно шли данные о датах нападения на СССР в период с 15 по 22 июня. В Кремле прекрасно знали о войне и готовились к ней. Делали все возможное. Но вот почему военные «просрали» начальный период, оставалось так и нераскрытой загадкой, какие бы доводы ни приводились в литературе моего времени. Еще со школьной скамьи у меня сложилось впечатление, что это было предательство со стороны высшего командного состава РККА. Заговор маршалов действительно был, и Сталин вовремя уничтожил пятую колонну в РККА. Но как говаривал мой школьный учитель истории Солозобов М. Н.: «Щуку поймали, да зубы остались». Отсюда и поражения 1941–1942 гг.

За этими размышлениями я прошел в ванную. Открывая кран душа, обратил внимание на то, что перстень поменял свой цвет с насыщенного янтарного на бледно-зеленый. Снимать его с руки я не стал – привык, наверное. Струи воды лились по телу и рукам. Под напором воды камень перстня стал темно-зеленым. Чудны дела твои, Господи!

Что делать до отправления? Имею право на отдых, столько дел переделал. Правда, особо идти некуда. В другое время можно было съездить в Кузьминки и побродить по парку, но там сейчас закрытая зона НКВД. Сокольники мне не нравятся. Да и ехать туда на трамвае долго. Так что сидим в номере и наслаждаемся одиночеством. Заодно подготовимся к боевым действиям. Что я имею в виду? Да хотя бы подготовить рабочий чертеж глушителя на «наган» и другую стрелковку. Зачем «ПБС»? Чтоб было! Конечно, действовать ими в линейном бою не придется, но запас карман не тянет. Неизвестно, куда попаду служить. С учетом того, что придется по-любому с боем выходить из окружения, даже не сомневаюсь в его полезности. Тем более что в «ПБС» особо сложного ничего нет. Кроме уж совсем «накрученных», остальные можно сделать в любой, хорошо оборудованной и укомплектованной мастерской. Сейчас глушители используются в спецподразделениях НКВД и РККА. Например, БраМит для «наганов» и «мосинок». Но этих БраМитов всего-то пара тысяч штук. И кто мне их выдаст? Так что озаботиться придется самому. Принцип работы и комплектацию знаю – в командировках на Кавказ пришлось посмотреть на разные «ПБС»: и заводские, и самопальные. Не теряя времени, сел за стол и накидал чертеж. Будем надеяться, что в части, куда назначат, будет арт- или автомастерская и там смогу все заказать и собрать. Металл по-любому будет, ну, а каучук вполне заменим резиной. Труднее с патронами, но надеюсь, что на складах найдутся патроны «УС» (уменьшенной скорости).

Еще было бы совсем неплохо накидать «планчик» боевой подготовки для своего подразделения. Какого? Да того, что дадут по прибытии в часть. С учетом того, что Седов – пехотный «Ваня», это будет взвод, максимум стрелковая рота. Плохо, что не помню всех меток на деле. А то можно было более точно определить, на какую должность готовили лейтенанта и в чем он более силен. Ладно, нечего посторонними мыслями голову забивать. Будем считать по минимуму – взвод. Теперь вопрос – где будет расположена часть: в Восточной или Западной Белоруссии? Отсюда и будет решен вопрос с временными рамками на подготовку. Если исходить из того, что в часть я доберусь завтра-послезавтра, то до начала войны остается не более двух недель. День на размещение, знакомство с личным составом, вооружением и техникой. Для подготовки бойцов останется максимум 13 дней. Кроме того, в батальоне уже есть свой план, который, вполне вероятно, не совпадет с моим. Убедить командование, что 22 июня начнется

война, будет очень сложно. Тут вся надежда на Иосифа Виссарионовича. На то, что он вовремя даст пинок командованию.

Ну, ладно, на Бога надейся, да сам не плошай. По прибытии будет видно, что к чему. Пока накидаю предварительный план. Что туда включить? В первую очередь то, что умею и смогу донести до бойцов сам.

1. Стрелковая подготовка. Насколько помню, в армии многие страдали от неумения стрелять. Не знали вверенного оружия. Мне с этим проще – почти всю «стрелковку», что сейчас стоит на вооружении что у нас, что в вермахте, знаю. Во всяком случае, уверенным пользователем являюсь. За службу в армии и милиции почти все видел, да и попользоваться пришлось. Особенно мне нравился «ТТ», что носил на Кавказе. Винтовка «СВТ-40», «мосинский» и «маузеровский» карабин, особенно в снайперском варианте, тоже пришлось неоднократно подержать в руках, да и не только подержать. Автоматы «ППД», «ППШ», «МР-38», «МР-40» не проблема. С пулеметами «Максим», «МГ» и «Дегтяревыми», что с крупнокалиберным, что с ручным, разберемся. Правда, приходилось общаться с более поздними моделями, да не боги горшки обжигают. Так что преподать подчиненным курс обслуживания и использования вооружения вполне смогу. Стрелять тоже подучу, если дадут такую возможность. Были бы патроны и время. Хотя, насколько помню, в Западном ОВО перед войной было подано на склады по два боекомплекта на бойца, а в части поступило еще по 1.5. На стрелковую подготовку стали больше внимания обращать. По-моему, в 40-м году Тимошенко был на инспекции в Западном военном округе и очень сильно ругался по этому вопросу. Конечно, за 10–12 дней отличного стрелка не сделаешь, но попытаться можно. Хоть в цель попадать будут, а не палить в белый свет.

2. Техника. Тут можно только строить предположение, точнее все вилами по воде. Неизвестно, куда и в какую часть направят. Что сам знаю и чем смогу управлять? Автотехника и мотоцикл – могу управлять и немного ремонтировать. За что надо особо благодарить систему советского среднего образования. В школе у нас был «Урал ЗИС-5» 1947 г. выпуска – знаменитая «трехтонка». Потом его заменили на более новый «ГАЗ-51А». Сколько же с ними приходилось возиться под руководством учителей по труду, чтобы хотя бы проехать по школьному двору. С гужевым транспортом сложнее. Нет, ездить-то ездил и верхами, и в телеге. Запрягать у бабушки на Волге научился. Но вот ухаживать особо не приходилось. Думаю, найдутся те, кто это сможет.

3. Артиллерия. С минометами разберусь. Как-никак два года «срочки» в Советской Армии даром не прошли. Спасибо командирам, обучили, гоняя до седьмого пота. С орудиями сложнее. Не было у нас в части ствольной артиллерии. Правда, в укрепрайоне немного посмотрел на работу артиллеристов. Так что по стволу наведу и, возможно, даже попаду.

4. Саперное дело. С этим в порядке: и ставить, и снимать умеем. Мины любим и очень уважаем. Леню, невнимательность и глупость научили, когда с ранением в госпитале належаюсь. Инженерную подготовку знаем, и передать подчиненным смогу.

5. Уставы. Тут тоже, думается, не будет сложности. Все-таки наши Уставы писались на крови Великой Отечественной войны и вобрали в себя лучшее из старых Уставов. Но в части надо будет озаботиться повторением.

6. Строевая и физподготовка. За 30 лет Строевой устав выучил. Конечно, не рота почетного караула, но тем не менее. Кто-то считает это анахронизмом. Я так нет. Лучшего места для сплочения коллектива ничего не придумано, а если еще найдется «зверь»-строевик, вообще прекрасно. Я себя, конечно, таким не считаю, но старался им быть. Требования НФП из памяти не стерлись. Показать и подсказать смогу.

7. Партполитработа. Опыта работы секретарем комитета комсомола батальона хватит.

8. Тактическая подготовка. Опыт есть. Еще не все пропито. Построить оборонительный и наступательный порядок подразделения смогу. Что такое опорный пункт, знаю и, глав-

ное, умею его строить. Что еще смогу применить? Тактику действия мелких групп и штурмовых подразделений. Особенно штурмовых подразделений. Еще в детстве у отца в библиотеке попался учебник Шошколовича А. К. «Действие мотострелкового батальона в городе» и, пользуясь отсутствием взрослых, проштудировал его. Все там было четко и, главное, понятно рассказано, даже для такой «мелюзги», как я. Книга врезалась в память. Папа, увидев ее у меня, подарил. В моей библиотеке она заняла почетное место. С начала «перестройки» и «перестрелки» полученные из нее знания оченьгодились.

9. Радио– и телефонная связь. Имеющиеся сейчас в частях радиостанции не знаю. Видеть – видел, но в основном в музеях. Пользоваться ими не умею. Вот с телефонными аппаратами и коммутаторами всегда пожалуйста. Те, что пользовали в мое время, не сильно отличались от тех, что были на войне.

10. Рукопашный бой. Далеко не мастер. Но тем не менее сдачи дам и мало не покажется.

11. Медицина. Обработать и перевязать рану вполне смогу. Опыта хватит. «Лесную» аптеку знаю. При необходимости смогу помочь при ряде заболеваний. Кстати, надо будет озаботиться медпрепаратами и перевязочными материалами. Но это уже в части.

12. Ротное хозяйство. Знаю не понаслышке. Пару лет пробыл старшиной не самой маленькой роты.

Так что теоретический и практический багаж есть. Правда, есть вопрос – а чего я вообще хочу добиться от своих подчиненных? В идеале стойкое, боеготовое подразделение. По типу десантно-штурмовой роты моего времени. С хорошей военной подготовкой. Чтобы не побежали в первом же бою. Было бы совсем неплохо иметь в подразделении как можно больше грамотных и умелых специалистов: механиков, слесарей, охотников-промысловиков, лесовиков и егерей. Тогда готовить личный состав оказалось бы куда проще. Да где же их найдешь? Придется учить тех, кто будет, а не тех, кого хочется. Придется быть «цербером» и гонять всех так, как гоняли меня в «учебке», то есть без зазрения совести и жалости. Постаравшись передать по максимуму имеющиеся знания подчиненным.

Вскоре черновик плана был готов. Основные вопросы подготовки нашли свое отражение. Если еще что вспомню, всегда есть возможность внести изменения и дополнения. Большую же часть коррективов внесу уже по месту службы. Неплохо было бы иметь топографические карты Белоруссии и возможного района боевых действий, но сейчас их можно получить только в штабе полка, да и то не всем дают. В большинстве случаев командиры моего уровня обходятся рисунками от руки. Да и пользоваться картой не умеют. Но это все вопрос времени.

День начался очень плодотворно. Что само по себе прекрасно. Мое внимание привлекла форма, которую вчера неаккуратно побросал на спинку кресла. Вообще-то я человек аккуратный, стараюсь за собой следить, а тут такой промах. Подворотничок грязноват. Носки несвежие. Вообще неприятный вы тип, гражданин Седов, или как вас там?

Седов. Конечно, Седов. Ну, а раз так, то принимайтесь за дело. Наведите марафет на свой внешний вид. Подворотничок сменить, сапоги начистить, носки сменить и постирать. Чистота превыше всего.

Итак, что мы имеем в сухом остатке на сегодня: привести форму в порядок, отоспаться впрок и убыть к месту службы.

По первому пункту времени много не потребовалось. Долго ли умеючи.

Оставалось самое тяжелое – отоспаться и поесть. Никому не отдам. А то знаю я эти гарнизоны. Все наряды по прибытии в часть будут моими. У кого семьи, дела и заботы, а ты молодой, тебе еще служить и служить. Так что отработка взаимодействия щечки и подушки с моей стороны будет проведена в полном соответствии с требованиями Устава – в полном объеме и качественно. Тем более что для этого все есть – чистая постель и мягкая подушка. Но выполнить данную программу не удалось. Как только я собирался улечься в кровать, позвонила Таня, предупредившая о скором приходе. Встречать даму голым и с разбросанными по

комнате вещами не принято. Поэтому пришлось срочно одеваться и собираться. Успел я почти вовремя и одеться, и вещи сложить аккуратно, только португею и сапоги не надел.

Открыв на деликатный стук дверь, увидел предмет моих ожиданий. Таня была просто сногшибательна в своей отутюженной форме с белым передником. О чем ей сразу же и сообщил. От сказанного у нее заалели щеки. Она сообщила, что в номере я могу пробыть до отправления на вокзал. Чему я был только рад. Сидеть на вокзале в ожидании поезда не самое интересное и плодотворное дело. Я лучше в номере делами займусь.

– Когда можно у вас убрать? – спросила Таня.

– В любое время. При условии, что вы меня просветите, когда начинает работать ресторан на крыше. Вчера не успел узнать, а есть хочется так, что готов съесть слона.

В ответ меня просветили, что рестораны на крыше и на первом этаже откроются в 9 часов. Буфеты при них работают круглосуточно. Холодные закуски можно заказать прямо в номер, а вот горячее надо будет подождать из-за того, что кухня начинает работать с 10 часов. Чай на вахте есть всегда, и если надо, то она принесет. При этом Таня так мило улыбалась, что можно было съесть ее вместо слона. Целиком, не раздевая. Заманчивое такое предложение. Так и тянет им воспользоваться...

Застегивая португею и машинально поправляя тяжелую кобуру, поместил ее на положенное место. Тут до меня дошло, что я, по своему зазнайству, не сверил номер револьвера с записанным в удостоверении Седова. Ведь это может быть залетом, и не малым. Расслабился, обрадовался, что стал обладателем стольких «ништяков», а элементарное не проверил. Выпускники военных училищ едут в часть без оружия. Табельное оружие за ними закрепляют уже в части, делают соответствующую запись в документах. Исключение делалось только для наградного оружия, а я, дурак старый, об этом и забыл!

Пока Таня ходила за инструментом, достал удостоверение. Нашел нужную страницу и был неприятно поражен ее белыми, чистыми и, главное, незаполненными графами. Приехали, называется. Хорошо еще, что сейчас обратил внимание, а то бы нашел приключений на свою голову. Так, срочно кобуру с револьвером долой. В сейф подальше от любопытных глаз. Ничего страшного, до части можно и без оружия походить, а там разберемся. Кстати, интересно, а где Седов себе его достал? И ведь не боялся ходить с ним, что довольно странно. Документов на закрепление оружия в личном деле тоже не было. Я бы заметил. Загадка на загадке и ею погоныет. Ладно, оставим их решение на потом. Дела делами, а о себе любимом надо позаботиться. Сначала поесть, а дальше посмотрим, что к чему.

В ресторане было пустынно и тихо. Одинокый, средних лет бармен за стойкой и несколько симпатичных официанток под руководством пожилого метрдотеля, раскладывающие на столах приборы, практически ее не нарушали. Кстати, вчерашних официантов, что обслуживали меня, не наблюдалось. Сел за столик и сделал заказ почти сразу же подошедшей миловидной девушке-официантке. Легкий летний ветерок мягко обдувал лицо.

На столе у дежурного администратора ресторана «Птичий полет» зазвонил телефон. Он снял трубку и, смотря в окно, выходящее в зал, стал отвечать.

– Да, здесь. Обслуживает Марина. Хорошо, все сделаем, – после чего положил трубку и еще раз посмотрел на посетителя – молодого лейтенанта. Затем позвонил официанта.

– Саша, тебе надо подменить Марину. Обслужи вон того лейтенанта. Нужно, чтобы он побыл здесь подольше. И повнимательней! Тебе все понятно?

– Да, Григорий Михайлович.

– Только прошу, очень аккуратно. Не переиграй. Рапорт потом мне отдашь.

– Есть. Все сделаю.

– Вот и умничка. Давай действуй. Только еще раз говорю, аккуратно.

Через несколько минут молодой официант с приятным и открытым лицом принес кофе со сливками, несколько бутылок минералки и салат. А горячее пообещал принести по готовности. Никто меня не беспокоил, никому я был не нужен. Сторожевая система об опасности не голосила. Ощущения, что за мной наблюдают, не было. Так, иногда, краем сознания ловился мимолетный взгляд в мою сторону от работающих в зале. Понемногу зал стал наполняться посетителями, пришедшими позавтракать. В основном это были гражданские, одетые в полувоенную форму без знаков различия, скорее всего – командиры производства.

Мысли вернулись к составленному плану подготовки. Убедить командование в необходимости именно такого обучения будет сложно. Многие привыкли к тому, что уже давно отработано. Правда, опыт Финской войны изучен и направлен в войска. Но, зная, как все новое тяжело находит себе дорогу, не сомневаюсь, что к отработке новых форм ведения боевых действий так и не приступили. Основной массе всему придется учиться уже во время войны. Тут в первую очередь сказалась слабая подготовка командных кадров, отсутствие боевого опыта. Сильно подорвало боеготовность увольнение в запас тех, кто отслужил свое из числа участвовавших в боях и кто мог помочь в освоении новых реалий войны. Мне придется опираться только на свои знания, умения и силу убеждения, в том числе и командного состава роты, батальона, полка. О дивизионном уровне даже заикаться не стоит. Если на нижних уровнях командование вполне реально уговорить попробовать сделать мною задуманное, то выше вряд ли. Для убеждения потребуется больше чем план боевой подготовки подразделения. Нужно обоснование изменений, расчет личного состава, материалов, вооружения и боеприпасов, расписание занятий, конспекты фактически по всем вопросам подготовки. Задуманный мной отдых накрывался медным тазом. Придется до отъезда использовать время с пользой, занявшись всем перечисленным.

Уходить отсюда совершенно не хотелось. Девушки симпатичные. Тепло, светло, свежий ветерок, классный кофе по первому требованию приносят. Минералка опять же холодная, поесть всегда можно, никто не отвлекает. В принципе, можно и здесь поработать, если, конечно, здесь найдется писчая бумага. Ручка у меня своя есть.

Хотелось пить. Минералка и кофе давно уже закончились. Прямо сушняк какой-то напал. Вчера не так много и выпил, по старым временам так вообще губы помочил, а тут такое бешеное желание водой заправиться. Подошедшему официанту повторил заказ на пару бутылок минералки. Он вошел в мое состояние и предложил свежего холодного пива, но я стойко отказался. Нельзя. Вдруг мое состояние не даст возможности все как следует продумать. Эх, ладно. Гулять так гулять, и я заказал еще пару бутылок воды. Заодно уточнил насчет бумаги. Оказалось, что есть. Тут часто бывают известные поэты и писатели. Вот администрации и пришлось озаботиться, а то они все салфетки переводят на свои произведения. Попросил принести и ее. Что и было сделано.

– Саша! Ну, как там клиент?

– Похоже, с похмелья мучается, за 20 минут шесть бутылок минералки заказал, а две так просто высосал.

– Понятно. Ты давай посматривай.

– Понял, все сделаю. Он попросил писчую бумагу. Я принес.

– Молодец. Ты посмотри, что он там писать будет.

Быстро проглотив принесенный завтрак, я принялся за работу. Работа спорилась, и к обеду многое из задуманного было перенесено на бумагу.

Вот что интересно, сижу в ресторане, пишу, и никто на меня внимания не обращает. Не считая официанта, конечно. Похоже, их тут очень хорошо выучили. Вот и сейчас, не успел я покончить с завтраком и минералкой, а он тут как тут, и сразу все лишнее со стола убирает.

Нравится мне здесь все больше и больше. Вот только напрягают какие-то нереально большие порции. Пару человек ими накормить можно. Вроде бы водохлебом и обжорой никогда не был, а тут прорвало. Будто верблюд после долгого пути в пустыне водой набираюсь или как крокодил мясом на неделю заправляюсь. И в туалет не тянет. Вот ведь сглазил. Положил пилотку на записи, надеюсь, не утащат. Пошел исправляться.

Вернувшись, застал в зале если не столпотворение, то близкое к нему. Все столики были заняты. Еще несколько человек стояли у входа, ожидая своей очереди. Официанты старались всем угодить, подсаживая гостей на свободные места. К моему столику никто не подходил, и его охрану нес официант. Интересно, за кого он меня принял? Наверное, за очередного горе-литератора. Я, конечно, виноват. Захватил с утра целый столик, а за ним, между прочим, четыре человека вполне комфортно могли разместиться. Подойдя к столику, поблагодарил официанта и вернул ему остаток бумаги. Еще попросил собрать на его вкус дорожный набор на сутки. А еще чашечку кофе, рюмочку коньяка и окончательный счет. Уточнив, что бы я хотел видеть в наборе, а также возможность подсадить за столик посетителей, официант ушел. Я же, просмотрев написанное, сложил листы на место и остался ждать обещанного официантом.

Через некоторое время кофе, коньяк и несколько посетителей в штатском практически одновременно оказались рядом со мной. Попросив на ломаном русском языке разрешение, они присели ко мне за столик. Сделав заказ и не стесняясь меня, заговорили между собой. По-немецки они обсуждали Москву, сравнивали ее с Веной, Краковом и Прагой. Периодически достаточно критически отзывались о наших порядках, но в рамках приличия. Как я понял из их разговора, оба были пилотами «Люфтваффе» и только недавно прибыли в Москву.

Я же мелкими глотками пил свой коньяк. Тоже стараясь не обращать на них внимания. У них своя жизнь, свои впечатления, свои заботы. У меня своя, далеко не тихая. И они еще не враги, которых следует убивать. Тут меня словно пронзило. Немецкий язык я учил в школе, а затем в институте. Учил, как все. На выпускных в школе и экзаменах в институте была твердая «четверка». Мог о себе рассказать, да и других расспросить. Со временем, из-за отсутствия языковой практики, все стало забываться. Нет, при необходимости, со словарем и справочником я мог бы прочитать статью или письмо. Но чтобы вот так, на слух, понимать, о чем говорят природные немцы, – никогда. Во-первых, я учил совсем другой язык (более современный), во-вторых, не так уж и хорошо нас учили. Интересно, что это такое? Неужели перенос или перстень на меня повлиял? Что так хорошо стал врубаться? Похоже, все-таки перстень. Он все время со мной. Вон на пальце светит изумрудным светом. Ай да перстень, ай да сукин сын. Ты, оказывается, еще и переводчик. Интересно, а где же в него вмонтировано устройство? Внешне совершенно не видно. Монокристалл. Без внешних повреждений. Ровные и аккуратные грани. Металл однородный, без признаков вкрапления. Я не специалист, но что-то о таком не слышал. Хотя, может быть, он тут ни при чем, я на него зря наговариваю и все это последствия переноса. Ладно, это все потом, а сейчас о насущном. Если я немецкий понимаю, то, может, на нем и говорить смогу? Когда-то давно говорили, что у меня произношение жителя Саксонии. Проверим? Когда еще это вот так спокойно можно будет сделать? Рискнем. Вспомнив былое и сформулировав в мыслях предложение, обратился к соседям по столику. Не знаю, как с моим произношением, но они меня точно поняли.

Извинившись, что невольно стал свидетелем их разговора и встречаю в него, заговорил с ними о их московских впечатлениях. Немцев смутило мое знание языка и произношение, а главное, то, что я их слушал и понимал. Они достаточно быстро с этим справились. Завязался общий разговор, касавшийся достопримечательностей столицы, русской архитектуры, искусства и еды. Их отличия от западноевропейских. Разговор тек плавно и непринужденно.

Вскоре официант принес летчикам заказ, а мне счет, большой пакет с продуктами и вдобавок корочки скоросшивателя для моих бумаг. За что я ему был особо благодарен. Рассчитавшись и попрощавшись с немцами, пошел к себе в номер.

– Отто, что ты скажешь насчет этого русского? Мне интересны твои впечатления о нем.

– Что я могу сказать, Карл? Грамотный, наш язык знает очень не плохо. Держится свободно, не то что остальные русские. Говорит, как саксонцы. Пьет кофе и хороший коньяк. Гурман, любит русскую кухню и поест. Возможно, жил у нас или из русских немцев. Не лишен вкуса прекрасного. Мне понравилось, как он рассказывал об архитектурных изысках. Со знанием дела. Насколько я понял, он пехотный офицер. Неужели у них таких готовят? И он точно не комиссар?

– У него в петлицах пехотные знаки. Комиссарских звезд не было. Может, из НКВД? Но фуражка без синего верха, хотя кто его знает. Возможно, у них разрешено ходить в форме других войск. Кстати, ты заметил, что он тут что-то писал. Было бы интересно знать, что именно.

– Наверное, какой-нибудь философский трактат о коммунистических идеалах или построении коммунизма...

– Что расскажешь, Саша, о своем клиенте?

– Особо рассказывать нечего. Вот копия его заказов. Пока он ходил в туалет, я полистал, что он там писал. Расписывал действие штурмовой группы в населенном пункте, а еще там было про действия в лесистой и горной местности. Довольно подробно так написано, со схемами и рисунками, но я только мельком и смог посмотреть. Он быстро вернулся.

– Все равно молодец, а кто там с ним сидел и разговаривал?

– Летчики из «Люфтваффе» на обед раньше времени пришли. Их столик был занят. Не гнать же. Свободные места были только за столиком лейтенанта. Вот и пришлось к нему подсадить. Хотелось как лучше, тем более что тот заканчивал и собирался уходить. Лейтенант хорошо по-немецки говорит. Куда лучше, чем я. Часть разговора я пропустил, ходил за заказом, а то, что успел услышать, не понял, но что-то об архитектуре.

– С языками не страшно. Поработаешь, подучишь. Будет практика – язык усвоишь. И не только немецкий, у нас тут всякие бывают. Разговор кому надо знают. Рапортишко напиши по-быстрому, и то, что рассказывал, подробно осветить не забудь, – берясь за телефон, сказал хозяин кабинета.

Жизнь пока преподносит только хорошее. Вот только интересно, когда она ко мне задом повернется? Я ведь нарушаю все, что только могу. Например, какого черта меня понесло разговаривать с летчиками? Что, ничего не знаю о нездоровом отношении органов к лицам, общающимся с иностранцами? Знаю. Так ведь нет, решил язык проверить. Нашлось бы время. До войны совсем чуть-чуть осталось, там бы и проверил. Если, конечно, до фронта дело дойдет, а то подойдут сейчас товарищи и начнут задавать «китайские» вопросы. Скорее бы поезд, Минск, а потом часть. Личный состав и работа с ним, лучше НКГБ и НКВД мозги прочистят. Там будет попроще и потише, чем обедать по столицам. С такими мыслями я добрался до номера.

Номер сверкал чистотой. Тут поработала хозяйственная женская рука. Оставленные на столе бумаги были на месте, как-то даже в мыслях не было, что они могут пропасть. Если их и прочитали в мое отсутствие, вреда от этого нет. Что в них секретного? Ничего. Черновик плана боевой подготовки. Наверное, и лучше кто-то может составить. Ничего инновременного там нет. Приобщил план к бумагам, написанным в ресторане. Спасибо официанту за бесценный подарок. В корочках гораздо лучше, чем россыпью. Не помнутся, не испачкаются и не потреплются. Полковому начальству приятнее читать будет.

От хорошего настроения почти не осталось, следа. Мысли о моих проколах мешали наслаждаться жизнью. Хотя особых причин для беспокойства вроде бы нет. Не верится мне, что все столики в ресторане оборудованы микрофонами. Да и разговор с немцами был ней-

тральный. Касался только отраслей искусства и города. Ни о политике, ни о войне не говорили. Никаких тайн я не выдавал. Хотя как посмотреть! У Седова в документах написано, что владеет немецким языком. Вопрос только как? Хотя тут придаться не к чему. Мало ли, что он скрывал от остальных?

Личность Седова меня стала все больше заинтересовывать. Какой-то он странный. Не в плане физическом или моральном. Таких, как он, каждый второй, не считая первого. Программа обучения у всех была одна. А вот несуразностей вокруг него много. Какие?

Начнем с самого простого. Ехал лейтенант до Москвы в двухместном спальном купе. Стоимость билета приличная, и в мое время она была отталкивающей, не всякий мог позволить проехать. Откуда деньги? Ответ – выдали в училище, и он их потратил на билеты. Возможно? Да. Сколько выдают лейтенанту подъемных? Кто его знает. На билет в спальном вагоне точно хватило, и еще осталось на встречу с девушками и магазин. Но почему в чемодане нашлась еще одна пачка? Не слишком ли это круто для простого лейтеха? Не верю в подарок государства или премиальные. Еще вопрос – почему не поехал по литературе? Ответ – неизвестен. Искал одиночества? Или дорожных приключений? Вот и думай. Непонятно, почему Седова направили за назначением в штаб Западного военного округа. Насколько помню, у нас молодых лейтенантов в основном направляли в Московский или Орловский военные округа. Летчиков – да, тех кидали куда надо, но вот с остальными такого не было. А тут отправили за тридевять земель в Минск. Еще вопрос – а почему именно в штаб? Ладно, я бы понял, если в предписании стоял бы штаб дивизии, корпуса, армии, наконец. А тут штаб округа. Что, если Седов едет по именной заявке штаба округа? И его там хорошо знают? А тут я, с немой мордой.

Следующий вопрос – откуда у него оружие? Знать бы ответ, так нет его! Револьвер выпущен сравнительно недавно, в 1937 г. Патроны свежие, 40-го года. Записей о закреплении оружия за Седовым нет. В боевых действиях он не участвовал. Так что трофеем или заныканным револьвер тоже быть не должен. Тогда откуда он у него? А что, если он вражеский агент?! Да нет, чушь! Какой смысл направлять агента в военное пехотное училище? Что он там узнает? Если только агент с дальним прицелом на будущее, но в это верится с трудом. Вот в то, что Володя где-то его раздобыл, верю. Точнее, у кого-то. По пьяни чего только командный состав не теряет. Вполне мог кто-то из командиров посеять, а Седов нашел и заныкал. С патронами еще проще. Никогда не поверю, что там, где есть воинская часть, никто за «магарыч» не найдет патронов. Правда, в мое время с этим стало похуже, но, помнится, на центральном рынке как-то предлагали ведро винтовочных патронов за пару бутылок водки. Да мне они были не нужны.

Одни вопросы и загадки. И как тут жить спокойно попаданцу? Мне бы до войны продержаться, а там многое на нее спишут. Что будет, то и будет. Пока стволом в спину не толкают. Надо думать о дне насущном.

В принципе, я полностью собран. Подпоясаться – и можно отправляться к поезду. Хорошо бы сейчас, но время до него еще три часа. Вообще, не люблю ждать и догонять. Чем бы себя занять? Поспать точно не удастся. Только измучаюсь. Лучше в поезде, на полочке. В другое время сел бы за компьютер, покопался в инете, телик посмотрел бы. Здесь этого еще нет. Телевидение пока в зачаточном состоянии.

Достал из чемодана есенинский сборник. Попробовал сосредоточиться, почитать. В другое время улетел бы влет, а сейчас не идет и все тут. Мои мучения прервал стук в дверь. Так, а это интересно кто? То, что за мной пришли, не верю. Обычно, когда приходят, стучат более уверенно и значимо. Сколько раз сам так делал. Похоже, Таня.

Так оно и оказалось. Получив разрешение, она зашла в номер. Мне оставалось только поблагодарить ее за сделанное.

– Вы уже готовы к отъезду? Может быть, нужно еще чем помочь? – спросила Таня.

Выставлять ее за дверь и оставаться одному в номере не хотелось. Да и Татьяне, похоже, уходить не хотелось. По поведению было видно, что спешить ей некуда и она не прочь задержаться и поболтать.

– Пока еще не собирался, что нищему собираться – только подпоясаться. Время есть. Кстати, Тань, насколько я знаю, в гостиницах обслуживающий персонал дежурит сутками, а разве у вас не так? Вы же должны быть дома?

– Дежурство закончилось еще утром, но подруга попросила вечером за нее отдежурить. Ехать домой в Малаховку далеко. Туда и обратно уйдет несколько часов, отдохнуть не получится. Вот и осталась. У нас есть служебная комната, где можно отдохнуть и привести себя в порядок. Начальство на это смотрит сквозь пальцы, и иногда так можно поступать.

Я предложил ей составить мне компанию, попить чая, поболтать. Подумав, Таня согласилась, правда, предупредила, что это не поощряется. Если кто узнает, то у нее могут быть неприятности. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Таня еще не обедала. Вот я и предложил сделать заказ в ресторане. За мой счет, конечно. Самому есть не хотелось, но за компанию и жид задавится. Таня по телефону сделала заказ. Сказала, что временно оставит меня, а когда обед будет готов, то сама его принесет. Она же предложила мне помощь в прошивке бумаги в корочки.

Оставшись один, принял душ. Упаковал все вещи. Осталось убить в приятной компании пару часов – и на поезд. Вскоре в сопровождении официанта пришла Таня. Они привезли обед и приспособления для сшива документов. Я рассчитался с официантом, и он, оставив нам тележку, ушел. А мы с Таней занялись делом – сшиванием рукописи. Дело продвигалось быстро. Татьяне это было явно не впервой. На вопрос, где она этому научилась, сообщила, что ей часто приходится делать отчеты, вот и напрактиковалась. Таня поинтересовалась, о чем моя рукопись. Ответил, что, готовясь к роли командира подразделения, заранее подготовил конспекты для обучения личного состава.

Покончив с делами, мы сели обедать. Правда, Таня сначала отправила меня мыть руки. Пришлось там ненадолго задержаться, проделать необходимые миссии, чтобы потом не бегать. Когда вернулся, то застал ее сервирующей стол. Она очень сноровисто и умело расставляла приборы в каком-то только ей известном порядке. Никогда не мог такому научиться и всегда обходился одной ложкой и вилок, а тут их целая куча, и не знаешь, что из них к чему. Об этом я ей и сказал. Она же только тепло улыбнулась в ответ. Сказала, что это так, для красоты. Можно пользоваться тем, чем умею, а научиться не сложно, было бы желание.

Было такое ощущение, что я участвую в каком-то дурацком кино о жизни на Западе. Красивая женщина. Красивая фарфоровая посуда. Начищенные приборы. Хрустальные стаканы и в качестве украшения бутылка коньяка, которую Таня достала с нижней полки тележки, до этого прикрытой полой скатерти. За обедом Таня рассказала, что она работает в гостинице уже несколько лет. Сюда попала по комсомольской путевке. Чтобы здесь работать, училась на специальных курсах. Где их очень многому научили, в том числе и такой сервировке стола. Иногда ей это приходится делать, помогая накрывать столы. Живет с мамой в Малаховке и оттуда ездит на работу. Отца нет, погиб на Гражданской войне. Друзья отца их не забывают и помогают по возможности. Учится на вечернем отделении факультета иностранных языков и продемонстрировала свои знания на немецком, а затем французском и испанском языках. Ее вопрос, какие языки знаю я, поставил меня в тупик. Сказал, что учил немецкий, как язык родины классиков марксизма. Со смехом Таня попросила показать свои знания, рассказав о себе на немецком. Что я и сделал, рассказав биографию Седова. Все-таки я огреб огромный бонус, когда смог ее прочитать. Мы мило беседовали. По чуть-чуть пили коньяк. Так, самую малость, обоим нужно быть трезвыми. Мне в дорогу, ей на дежурство. Все было прекрасно. Умная женщина, приятный разговор. Правда, мне казалась, что Таня с очаровательной, скром-

ной улыбкой на устах и озорными чертиками в серых глазах очень грамотно и профессионально ведет допрос. Сразу и не заметишь.

После обеда, сидя в креслах, пили чай с вкуснейшими эклерами, сделанными здесь же, в гостинице. Было хорошо и уютно. Словно дома, а не в чужом городе. В чужом во всех смыслах. Наверное, именно так и должен выглядеть мирный день в приятной компании или семье. Говорили обо всем на свете. Классике. Музыке и музыкальных новинках. Оказывается, Таня музицирует на фортепиано. Разговор перешел на авторов и исполнителей. Тут я чуть не прокололся. Я помнил по пластинкам романсы и песни в исполнении Петра Лещенко, Вадима Козина, Клавдии Шульженко, Леонида Утесова, Изабеллы Юрьевой. Но Татьяна стала называть фамилии и имена исполнителей и актеров, которых я и не слышал. Если и слышал, то не знал, что они еще и популярные исполнители песен. Поэтому пришлось соглашаться с Таней.

Время пролетело быстро. Настала пора собираться на вокзал. Об этом, как заботливая жена, мне напомнила Таня и предложила помощь в сборах. Показав на чемодан и пакеты, сказал, что уже все собрал. Осталось только скоросшиватель уложить. На глаза попался так и не прочитанный сборник стихов. Мелькнула провокационная мысль, что я зря его таскаю с собой. Кто его будет читать в части? Кому он нужен, кроме меня? Через пару недель придется бросить, облегчая свой ранец, ища место для патронов. Жалко, жаба так и давит. Сейчас отношение к книгам не такое, как у нас в начале XXI века. Еще раз бросив взгляд на книгу, решил ее подарить Тане. Радости было море, а поцелуй долгим, многообещающим и горячим. Но, блин, поздно. На вокзал пора, а я тут лямур развожу. Таня все поняла без слов. На листочке бумаги написала свой домашний адрес и предложила обязательно приезжать и писать. Я пообещал. Поцеловав на прощание Таню, с багажом в руках покинул гостеприимный номер и гостиницу.

У входа в метро, смешавшись с толпой, двинулся на Белорусский вокзал. К новой странице своей еще не прожитой жизни.

Из беседы, состоявшейся в служебном кабинете на втором этаже гостиницы «Москва»:

– Что ты на это скажешь? – Выключая магнитофонную запись разговора Седова с немцами, сказал хозяин кабинета.

– То же, что и вчера. Парень не тот, за кого себя выдает. Отлично знает немецкий. Вон как с гансами шпихает. Мы с тобой так не сможем. Хоть и практики хватает. Либо он жил долго за границей, либо немецкий его родной язык. Нашего поля ягода. Точно тебе говорю.

– Ага, и в военное училище специально у нас поступал, чтобы узнать, как готовят командиров в Тамбовском пехотном. Дурью не майся. Не верится, что парень враг. Мы о нем ничего не знаем. Язык мог выучить. Рапорт Татьяны сам читал. Я склонен верить ее оценкам. Мы на Седова внимание обратили, проверили, и все. Нет у нас на него компромата. Он чист. Скажи, что я не прав?

– Прав, конечно. Но все равно не нравится он мне.

– Мне он, может, тоже не нравится, но ничего ему предъявить не можем. Вот скажи мне. Будет враг писать план подготовки штурмового взвода? Описывая действия такого взвода при ведении боевых действий в городе и в лесу? Таких подразделений ни у кого нет. Только у нас и есть опыт таких действий по Финской. Парень писал явно для себя. Он так и сказал Тане. Готовится к роли командира. Вон возьми распечатки. Из техотдела передали фотокопии с его работы. Татьяна постаралась отснять.

– Что ж, может, ты и прав... Я, видно, погорячился, обвиняя парня. Слишком много несуразностей вокруг него. Твоя правда, ему нечего предъявить. Материал им написан интересный. Воплотить можно? Ты у нас кадровый, из войск пришел и знать должен.

– Теоретически можно. Но на практике едва ли. Времени слишком мало отводит, вопросов много поднимает. В наших частях еще можно, а в армии, если только в разведбатах.

– Почему?

– К нам отбирают лучших. Наиболее подготовленных и грамотных. Потому и можно. Их обучать куда как легче. В армии контингент не тот. Парень, прибыв в часть, столкнется с действительностью, а не теорией. Трудно ему будет. Потратит больше времени и сил. Да еще неизвестно, как к этому командир отнесется. То ли поддержит, то ли пошлет куда подальше. Жаль, если парень перегорит и сопьется. Кстати, это доказывает, что парень тот, за кого себя выдает. Жизни не знает, только на картинке и видел. Знаний нахватался, а и не... понюхал. В части его обломают.

– Парень толковый, со знанием языка. Надо с нашими переговорить, глядишь, возьмут на заметку. Может, пригодится для чего. Сегодня материалы по нему начальству доложу. Пусть оно подумает, если заинтересуется, то поможет парню.

Глава 5. В поезде на Минск

До вокзала добрался быстро, хоть и не так, как в мое время. Скорости не те. Белорусский вокзал мне всегда нравился своей какой-то особенной простотой и в то же время изящностью. Поезд уже был подан и стоял на первом пути. У вагонов толпился народ. Идя по перрону, то и дело автоматически отвечал на воинские приветствия. Сложилось такое ощущение, что это был не обыкновенный пассажирский поезд, а литерный воинский эшелон. Вот и у моего вагона стоял разновозрастный армейский комсостав. В основном это были представители старшего и среднего командного состава. Зелено-синий фон военной формы разбавляли редкие вкрапления цветных платьев их жен и дочерей. Стоял теплый и немного душный вечер. Большинство, разбившись на кучки, курили и о чем-то переговаривались. Здесь собрались представители всех видов и родов войск. Немного в стороне, отделившись от всех, стояло несколько представителей от НКВД.

Наконец проводники предложили проходить на посадку. Предъявляя билеты, пассажиры стали заходить внутрь. Сначала семейные, а затем и все остальные. Мне спешить было некуда. Все равно успею. Вскоре перрон опустел. Только редкие провожающие все еще стояли и ждали отправления поезда. Пора и мне, и так удостоился удивленных взглядов проводников. В вагоне шум и гам размещения еще не прошел, но часть пассажиров уже стояла в проходе и смотрела в окна, непонятно, что пытаясь там рассмотреть.

В нашем купе вместе со мной собралось четыре лейтенанта: три армейских и лейтенант войск НКВД. Лейтенанты, летчик и артиллерист, тихо и как-то смущенно сидели на одной полке, а пехотинец НКВД в одиночку напротив них. Поставил багаж на полку, где сидел представитель НКВД. Представился: «Лейтенант Седов, Владимир, еду в Минск за назначением».

– Если не против, это мое место, – обратился я к энкавэдэшнику. Физически хорошо сложенный, в отлично подогнанном обмундировании, тот встал и представился: «Акимов, Сергей, еду в Брест. Мое место над тобой». И протянул руку для рукопожатия. Оно было крепким и сильным. Сергей явно решил показать свою силу, но не на того попал. Уж на такие шуточки давно не покупаюсь. Со своей стороны нажал чуть-чуть сильнее. Парень покраснел, но не поддался. Так мы бодались пару секунд, а потом дружно рассмеялись. Это сняло напряжение, висевшее в купе. Армейцы тоже представились. Летчик – Несмеянов Андрей – ехал в Пружаны; артиллерист – Чурилов Александр – в Барановичи, в 121-ю стрелковую дивизию. Закончили с формальностями и билетами, разговорились. В принципе, у всех все одинаково – училище, досрочный выпуск, направление в часть.

Не знаю, кому как, но я сторонник традиций. И попробуйте меня в этом осудить. Сел в поезд, он тронулся с места, доставай на стол продукты. Хочешь есть – не хочешь, а достать обязан. Хоть воду или сок, но достань и поставь. Кто сомневается в том, что он эту традицию выполняет, тот явно не ездит в поездах. Ну, может еще, чем болен, а так выполнение этой традиции наверняка заложено в русской душе. Смотрю, парни мнутя, никто первым не решается. Друг на друга посматривают, стесняются. Ну, да нам не привыкать. И так понятно, что поспать сегодня – явно утопическая идея. Переглянувшись с Сергеем, достал свой пакет с продуктами. Тут народ как прорвало, все зашевелились, стали доставать и раскладывать свои запасы. Вскоре столик ломился от продуктов и бутылок с водкой. А проводник снабдил стаканами.

Разливали и пили умеренно – больше стакана за раз не наливали. Ели все, что хочется и на что глаз ляжет. Благо еды хватало. Официант в ресторане расстарался и положил то, что надо для нормальной компании посидеть. Видно, сам так путешествовал. С десяток котлет, палку копченой колбасы, жареную курицу, несколько бутылок «Столичной». У остальных был примерно тот же «малый джентльменский набор».

О чем могут вести разговоры четыре молодых командира в купе поезда, идущего на запад? В первый и, возможно, в последний раз видящие друг друга. Думаете, о службе? Неправда, обо всем на свете. О чем только мысль посетит их светлую голову. Нет, конечно, и о службе тоже, но только когда много выпьют. Традиция, однако.

Разговор то разбивался на части, то снова становился общим. Чего мы только не коснулись. И авиацию разобрали, и об артиллерии поговорили, и о стрелковом оружии слово замолвили. А уж артисток советского кино разобрали. На части и обратно...

Ребята периодически выходили покурить в тамбур или на улицу на остановках. Головные уборы и портупеи давно перекочевали на вешалки, гимнастерки и кителя расстегнуты. Я тоже выходил с ними за компанию, остудиться. В соседних купе происходило примерно то же, что и у нас. Выпивали, закусывали, обсуждали. Лишь семейные наслаждались своим, отгороженным дверями купе счастьем. Если женские лица были радостными, то мужские явно наоборот. Они были скучающими и печальными. Остальное мужское население им в этом сочувствовало. За вагонным окном белоствольные рощи берез сменялись ельниками. Постепенно смеркалось.

В тамбуре, за перекурком, разговоры продолжались. К ним присоединялись заинтересованные участники. Достигнув консенсуса по тому или иному вопросу, группы растворялись за дверями своих купе, чтобы затем через некоторое время снова возникнуть там же. Иногда через тамбур, в сторону вагона-ресторана, проходили другие пассажиры, и разговор сразу замолкал, чтобы продолжиться, как только закроется дверь вагона.

В купе застолье продолжалось. Пили за здоровье каждого из присутствующих и за гибель врагов нашей страны. За Сталина, Родину и партию, РККА, каждый отдельный род войск, НКВД. Короче, было единство органов и армии.

Меня алкоголь практически не брал, хотя я и пил наравне со всеми. Первым устал и лег отдыхать Чурилов, следом за ним Андрей. Чтобы не мешать отдыхать соседям, уступили им для сна верхние полки. И смотрели, чтобы они случайно не упали с них, а сами сидели и тихо беседовали.

Сергей рассказал о себе. Оказывается, он, как и я, из казаков (правда, я этого не стал афишировать). По призыву попал на службу в пограничные части. Остался на сверхсрочную. Полгода назад был направлен на курсы. Сейчас по окончании курсов едет к новому месту службы.

Я рассказал биографию Седова. Поговорили за казачество. Нашлись общие темы по погранслужбе.

Сергей предложил спеть, я был только за. Он запел сильным и красивым голосом, а я подхватил давно знакомые и душевные слова старой казачьей песни:

Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене...

Сергей с удивлением поглядывал на меня. А мне уже было все равно, что он подумает. Когда песня закончилась, Сергей ничего не сказал и не стал расспрашивать. Мы выпили, закусили, и я затянул «Казачий романс»:

Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется.
И сердце девичье забьется
С восторгом чувств – не для меня...

– Вовка, а Вовка? Ты из казаков? Только не ври, ладно?

– Не знаю. Детдомовский я.
– Не хочешь – не говори. Давай еще по чуть-чуть и споем чего?
– А чего не выпить. Давай, – поддержал я. Выпили. Спели пару песен, что знает с детства любой казак. А потом запели:

Как на быстрый Терек, на высокий берег
Вывели казаки сорок тысяч лошадей,
И устлали Терек, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей...

Конечно, не Кубанский казачий хор, но тоже ничего. Особенно под храп соседей, раздававшийся с верхних полок. Слаб человек. Стоит ему попасть в хорошую компанию, попеть хороших песен, как он теряет всякую осторожность. Вот и я забыл всякую осторожность, разговорился и распелся. Мне, честно говоря, было на все наплевать. Надоело ожидать неприятностей, накручивать себя изнутри. Что будет, то и будет. Не знаю, что для себя решил Сергей, но, похоже, посчитал меня своим. Он захотел перекурить, и мы пошли в тамбур. Там несколько командиров обсуждали прибывший на сборы личный состав из числа жителей присоединенных областей. Мне было интересно послушать. Одно дело, читать об этом, другое – послушать людей, реально руководивших ими. Отзывы, честно говоря, были далеки от хороших. Если опустить весь мат и эмоциональный настрой, то все плохо. В большинстве своем запасники служили еще в Панской Польше. За редким исключением, боевого опыта не имеют. Стреляют из рук вон плохо. Настроены по отношению к командованию еще хуже. И если что случится, спиной к ним лучше не поворачиваться, убьют. Весело...

Перекурив, командиры ушли, а мы с Сергеем остались переваривать услышанное.

– Неужели все это правда? – спросил я.

– Так и есть. Это они еще мягко. Я срочку в Белоруссии проходил. Когда границу переносили, там и дослуживал. Всякого насмотрелся. Белорусы при панском режиме были забитыми, малообразованными. Сейчас все меняется – школы и техникумы открылись. Колхозы и МТС создаются, а там и слесарей, и механиков готовят. Поднимают уровень. Но пока еще сложно с ними, когда еще всему научатся. Поляки никак не успокоятся, что панов сейчас нет. Сейчас потише стало. Банды повыбили. Раньше нашим в спину стреляли, через границу к немцам переходили семьями. Порой с боями. Хоть и тише стало, но все равно балуют. Вырезают наших одиночек. Тебя куда назначат, не знаешь?

– Откуда? Предписание дали – и вперед, а чего спрашиваешь?

– Да так. Хороший ты парень, Вовка. Подумал, неплохо было бы рядом служить. В гости друг к другу ходили бы. Ты как, не против?

– Конечно, нет.

– Ну и хорошо. Если будет возможность, просись в Брест. Я там, в 60-м железнодорожном полку служить буду. Так что милости просим заходить. Ну, а не получится, весточку дай. Я тебя разыщу. Наши роты по всей Западной Белоруссии стоят. Найдемся.

– Если получится, то обязательно увидимся.

– Пошли спать, а то поезд в Минск рано утром приходит. Тебе выспаться надо. С запахом в Управление кадров идти нельзя, они этого не любят. Загонят тебя служить куда Макар телят не гонял.

Вернувшись в купе, разделись и быстро уснули.

Проснулся рано, до прибытия поезда было еще пара часов. Солнце робко и как бы нехотя вставало из-за деревьев. Его первые лучи только начали красить небосвод. Спать совершенно не хотелось. Наверное, это стало входить в привычку – просыпаться до рассвета. Поезд пере-

стукивал колесами на стыках. Мои соседи мирно дрыхли на своих полках. По купе витал кислый запах еды, алкогольного перегара, тел, портянок и начищенных не лучшим обувным кремом сапог. До кондиционеров в вагоне еще далеко. Куда тут деваться переселенцу? Только привывать. Пора вставать и собираться. Что разлеживаться, бока мять?

Стараясь не разбудить парней, сделал разминку. Взяв полотенце с мыльно-рыльными принадлежностями, направился в туалет. Конечно, не СВ, но тоже вполне прилично. Осуществив необходимые гигиенические мероприятия, побрился и помылся. Кстати, бритье оказалось тем еще удовольствием, даже порезался слегка.

Подходя к купе, столкнулся с проводником. Пожилой, он почти все время был в своем купе. Увидев меня, он расцвел, словно встретил кого-то родного. Улыбаясь, поздоровался и сказал, что как раз собирался меня будить. Поблагодарив за заботу, попросил горячего чая.

– Конечно, сделаю. С лимончиком и покрепче. Не беспокойтесь. Разве я не понимаю? Скоро сорок лет как на дороге работаю. Знаю, что пассажирам надо. Может, что к чаю? У меня пирожки домашние есть – недавно на станции купил. Очень рекомендую. Теплые еще.

– Спасибо. Не надо, только чай. Мы тут вчера не сильно нашумели?

– Что вы! Вы тихие. В прошлом куда громче бывало. Бывало, перепьют и давай стрелять. Прости господа. Портят имущество. А вы спокойно да умеренно так отдыхали. Не мешали никому. Не безобразничали. Все ж умные люди. Насчет пирожков вы зря. Очень они хорошие, жалеть будете, – и, продолжая бубнить что-то себе под нос, пошел дальше по вагону.

В купе ничего не изменилось. Сон-тренаж продолжался. Запах стоял еще тот. После свежего воздуха ощущалось очень остро. Но куда деваться? Не мы такие, жизнь такая. Вообще, что-то меня на философию потянуло. Явно не к добру. Что день грядущий мне готовит? Так, а это уже классика в голову лезет. Все, хватит мандражировать. Будь что будет. Знать бы только что?

Достав чемодан и пакеты с формой, задумался. Таскаться с вещами по Минску не имело смысла. Округ большой, частей много, куда пошлют неизвестно. Так что лучше вещи оставить в камере хранения, а когда определюсь, тогда и заберу. Мне нужны только документы и личное дело. Остальное подождет в чемодане. Достав пакет с личным делом, проверил сохранность печатей, о которых немного переживал. Но вроде все нормально, и незаметно, что их вскрывали. После чего конверт с остальными документами переключивал в планшетку. Оставалось только надеяться на удачу и того, кто мне ворожит. А что ворожит, это точно.

Пока было время, занялся уборкой со стола всего лишнего. Нет, не подумайте о нас чего плохого – мусор и освободившиеся бутылки мы за собой выносили. Но что-то осталось. Вот я и убирал, нечего грязь и тараканов разводить. В бумагу от продуктового набора все ненужное и поместил. То, что осталось, пойдет парням на опохмелку и завтрак, может, что и на обед с ужином останется. Я не знаю, сколько им еще до места добираться и когда они смогут поесть. Мне же ничего не надо. Пока есть деньги, смогу себе купить. Да и есть не хочется. Хоть и вбили давно в голову, что есть надо все, что дают и впрок. Так, на всякий случай. Вдруг еды вообще не будет, а так хоть память о ней останется.

Кстати, а ведь и пить не хочется. Не то, что в последние дни чуть ли не ведрами наливался. Видно, тело свое уже набрало.

Чай проводник принес уже после того, как я вынес мусор и собрал постель.

– Вот спасибо, что собрали, – забирая постельное белье, сказал проводник. – Вы пейте спокойно. Как к Минску подъедем, я вас предупрежу.

Выходя, он как нарочно стукнул дверью. От чего проснулся Сергей.

– Здорово, сколько времени? Ты чего так рано? – спросил он, садясь на полку.

– Рано еще, спи. До Минска еще далеко, – ответил я.

– Не. Надо встать, да до ветра сходить, – надевая галифе и сапоги, сказал он и вышел в коридор.

Чай действительно был горячим и очень вкусным. Умеют все же заваривать. Или, может, просто заварку не крадут?

Вскоре вернулся Сергей. Потянувшись, сказал: «Поезд идет по расписанию, так что скоро будем в Минске. Ребят будить будем? Или пусть поспят? А то обидятся, что не попрощались с тобой. Ты чай весь выпил? А то я еще нам заказал».

– Да ладно, Серж, не буди. Пусть поспят. Неизвестно, когда им еще так удастся. Ты что так рано вскочил?

– И то правда. У меня поезд придет в Брест только вечером. Так что еще успею отоспаться. Тебе проводник пирожков не предлагал?

– Предлагал. Я отказался.

– Ну и зря. Знаешь, какие тут пирожки пекут? С разной начинкой, на любой вкус: с капустой, мясом, картошкой, рыбой. Просто пальчики оближешь. Я как еду, так всегда себе беру. И к чаю, и так на закуску. Хорошо идут. Проводники это знают и покупают для пассажиров.

– Я что-то не подумал. У нас и так закуски много осталось. Доесть надо, не выбрасывать же. Вам на всех хватит.

– Тоже верно. Но я все равно нам с тобой по паре с мясом и капустой заказал.

Дружно замолчали, когда в купе зашел проводник, принесший несколько стаканов чая и пирожки. После его ухода мы продолжили прерванный разговор.

– Слушай, ты помнишь, о чем вчера говорили? Чтобы попроситься в Брест?

– Помню, но не знаю, можно ли воплотить это. Там у кадровиков свои планы, графики и разнарядки, кого куда направлять.

– Это ты прав, но все равно просись.

– Как получится. Пирожки действительно хорошие, – перевел я разговор на другую тему.

– А я что говорил. Раньше по три штуки за раз съедал. Может, по чуть-чуть? Грамм по пятьдесят для здоровья, а то голова после вчерашнего, наверное, болит?

– Нет, не буду. С запахом приду, не поймут.

– Тоже верно, в штабах они такие...

День набирал силу. Летнее солнце все больше поднималось над горизонтом. За разговорами время пролетело быстро. Парни так и не проснулись, да и мы лишний раз старались не шуметь. Поезд стал замедлять свой бег. В купе заглянул проводник и предупредил: «Подъезжаем, товарищи командиры! Собирайтесь. Очень прошу, вещи не забывайте. Стоянка недолгая».

Быстро собравшись и подхватив багаж, мы направились к выходу. Там уже стояло несколько человек. Что-то на своем языке, приветствуя вокзал, просвистел паровоз, и поезд остановился. Стояло раннее солнечное утро. Поезд прибыл на первый путь. Из раскрытых дверей вагонов на перрон повалил разночинный народ. Прибывшие скомканно прощались с временными попутчиками, ставшими на короткий срок поездки почти родственниками.

Мне спешить было некуда. Рабочий день только начинался. В Управление кадров округа ехать еще рано. Поэтому вышел из вагона последним. На перроне у поезда практически никого не было. Только проводники, словно коты, подставляли свои лица солнечным лучам, жмуря глаза. Выйдя из вагона, мы с Сергеем немного помолчали. Говорить было нечего, да и незачем – все уже было обговорено в вагоне.

– Ну, что, будем прощаться? – спросил я.

– Давай. Может, встретимся еще?

– Встретимся. Земля имеет форму чемодана. На каком-нибудь из ее углов обязательно встретимся, – ответил я. Пожав на прощание друг другу руки, мы расстались. Он закурил папиросу, а я, подхватив вещи, пошел искать камеру хранения.

Сергей стоял у вагона и, мочал папиросу, смотрел вслед удаляющемуся Владимиру. Он пытался решить для себя вопрос: «Что за человек этот Седов?»

Вчера при отправлении поезда Владимир по ходу существенно уязвил Сергея, ответив на рукопожатие сильнее, чем он. Да так, что кисть Сергея побелела и, только благодаря силе духа, удалось не закричать от боли. С другими у Сергея было наоборот. Не только принадлежность к всесильной организации, но и его мужская сила ставили его всегда выше остальных. И все вместе это поднимало его самооценку на непередаваемую высоту. А тут Сергея опустили, сравнивали с остальными и поставили в один строй. Давно такого с ним не было.

Надо отдать должное Седову, тот его больше ничем не задевал, не смеялся над ним. Вел себя с Сергеем и остальными ровно. Смеялся над шутками других и шутил сам. Был таким же, как все. Равный среди равных. Хороший парень Вовка, но странный он какой-то. Чувствовалась в нем некоторая отчужденность. Очень грамотный. Чего так не хватало ему, Сергею. Куда ему с его семилеткой против Седова, у которого за плечами полная средняя школа да кадровое училище, а не краткосрочные курсы оперсостава. Хорошо разбирается в технике и вооружении. Об оружии и особенностях стрельбы рассказывал так, что сам Сергей рассказать не смог бы. Знает авиационную технику, чем поверг в легкое изумление Андрея Несмеянова. И как бы шутя поставил его на место, когда тот немного стал приукрашивать. Да так, что тот и не подумал обижаться. Уже потом, в тамбуре, во время перекура, оставшись с Андреем наедине, Сергей попросил объяснить, на чем летчика подловил Седов. Несмеянов, смеясь, объяснил на пальцах. Андрей еще удивлялся, откуда пехотинец это может знать.

Еще он очень скрытный. Почувствовав родную, близкую себе душу, Сергей рассказал Володе почти все о себе и своей жизни. Тот же отделался только общими словами, словно произносил заученный текст. Говорит, что детдомовский и своих родителей не помнит, а сам казачьего песняка давал почем зря. Об истории казачества говорил правильно. Что, если он из рассказанных? Так на это вот уже несколько лет внимания не обращают. И скрывать не стоит. Может, из несправедливо осужденных или членов семьи изменников Родины? Не похож. Нет той обреченности, загнанности и боязни в глазах, преклонения к органам, что встречается у таких. Чувствует себя очень свободно, уверенно. Словно генерал, а не лейтенант-первогодок. Такое ощущение, что ничего и никого не боится. И не в физической силе тут дело, хотя ею природа его щедро наградила. Во внутренней силе, что ли. Каком-то стержне, ставившем Седова на одну ступеньку выше любого. Явно городской. Загар хоть и есть, но не деревенский. Ровный, в деревне такого не бывает. Когда раздевались ложиться спать, удалось рассмотреть. Явно из обеспеченной семьи. На это указывали часы и иностранная перьевая письменная ручка. У самого Сергея даже простых часов нет. Были, когда на границе служил, да по залету старшине отдал. Дешево отделался, а то бы под трибунал попал. Там разговор короткий – кайло в руки и пошел пайку отрабатывать.

Документы в порядке. Когда все уснули, Сергей проверил у всех документы. Так, на всякий случай. Кто его знает, с кем едешь в одном купе. Вдруг враг? А мы тут языком наболтали по пьяни. Вот, кстати, о выпивке. Парень молодец. Пил наравне с другими, а ощущение такое, что и не пил совсем. Был грешок, Сергей старался его подпоить, подливал почаще и побольше. Хотел разговорить, но не вышло. Крепкий парень. Чувствуется школа, не всякий так может.

Кто же ты, Седов? Что за птица? Увидимся ли еще? И при каких обстоятельствах? Не придется ли тебя допрашивать и выдергивать твои перышки? Докурив, Сергей выбросил окурок и пошел в купе досыпать.

Глава 6. Назначение

Камеру хранения нашел быстро, ориентируясь по хвосту очереди. Став в конец быстро таявшей группы приезжих, дождался, когда пожилой служащий примет мой багаж. На привокзальной площади в ожидании транспорта толпились сошедшие с поезда. У начальника патруля, проверявшего у меня документы, узнал, как добраться быстрее, не ожидая общественного транспорта, до нужного мне места. Воспользовавшись его советом, скоро был уже у нужного мне здания.

Прибыв в Управление кадров округа, понял, что я зря лелеял надежду быть одним из первых. Таких, как я, было много. Тут были как молодые, только что окончившие училища, так и командиры, призванные из запаса. Получив пропуск, я нашел заветный кабинет, у которого стояла очередь порядка десяти человек. Двигалась она достаточно быстро, и уже где-то через час-полтора я стоял у обитой коричневым дерматином двери. Постучавшись, вошел внутрь.

В небольшой комнате, кроме стола с закрытой зеленым сукном столешницей и черным телефоном, нескольких стульев, сейфа в углу, большого шкафа, из мебели ничего не было. Рядом с входной дверью стояла вешалка, на которой висели командирская фуражка с малиновым околышем и противогазная сумка. На шум открываемой двери от окна ко мне повернулся майор, державший в руках папиросу. На груди у него блеснула медаль «XX лет РККА».

– Товарищ майор, лейтенант Седов для получения назначения к месту дальнейшего прохождения службы прибыл! – представился я.

– Майор Кравцов. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул. Ничего, если я перекурю? А то все не успеваю, дел много. Предписание у вас с собой? Давайте, – ответил майор, указывая на стул, стоящий у стола, и продолжая курить в открытую форточку.

Достав из планшета предписание, сопроводительные и пакет с личным делом, передал их Кравцову.

– Так точно, – ответил я и продолжил: – Товарищ майор, мне приказано передать пакет с личным делом, а вторую сопроводительную просили вернуть в училище, там на конверте адрес.

– Не беспокойтесь, лейтенант, так и сделаем, – ответил Кравцов. Мельком убедившись в целостности пакета, он его вскрыл и расписался на пакете и в сопроводительных. После чего по телефону вызвал секретаря с книгой входящих документов. Присев за стол, майор стал быстро листать мое личное дело. Вскоре в кабинет зашла очень симпатичная светловолосая девушка в военной форме без головного убора с сержантскими треугольниками в петлицах. В руках у нее была толстая канцелярская книга.

– Вызывали, товарищ майор?

– Да, Наталья Ивановна. Тут лейтенант привез личное дело из училища. Зарегистрируйте, пожалуйста, его на меня, а сопроводительную направьте в Тамбов по указанному на конверте адресу.

Девушка быстро записала данные дела в свою книгу, дала расписаться в ней майору. Забрав у майора конверт с сопроводительными, спросила: «Это все? Документы сегодня же постараемся отправить. Разрешите идти?» Получив утвердительный кивок майора, она вышла из кабинета.

Заметив мой заинтересованный взгляд на девушку, майор, улыбнувшись, спросил: «Что, понравилась? Ты же не женат?» И, не дожидаясь ответа, продолжил: «Вот какие красавицы у нас служат. Так что все у тебя впереди. Найдешь себе здесь красавицу жену из белорусок, на всю жизнь...».

– Ладно, давайте к делу, – после небольшой паузы снова стал официальным майор. – Где хотели бы служить? Может быть, какие пожелания есть?

– Да нет. Куда Родина прикажет, туда и пойду.

– Замечательно... – задумчиво рассматривая «склейку» и еще какие-то документы у себя на столе, ответил Кравцов. – Тут вот какое дело, Владимир Николаевич. Ранее вас предполагалось назначить порученцем к начальнику штаба округа. Однако обстоятельства сложились так, что эта должность занята и в ближайшее время освобождена не будет. В округе идет формирование ряда новых частей, – продолжил Кравцов. – И у нас большой некомплект в командном составе, так что вакансий хватает. Давайте говорить начистоту. Учились вы хорошо. Аттестация отличная. Согласно характеристикам вас рекомендуется использовать на штабной работе. Но таких вакансий, несмотря на некомплект, у нас нет. Так как они первыми укомплектовываются наиболее опытными и послужившими на командных должностях командирами. Опыт командования подразделением у вас есть, правда маленький. Да и командовали курсантами, а это несколько другое, чем командовать личным составом линейных частей. Направлять вас во вновь формируемую часть, думаю, рано – опыта работы с людьми и техникой нет. А там все надо начинать с нуля. Так что я хочу вам предложить назначение в 6-ю Орловскую Краснознаменную стрелковую дивизию, а точнее, в ее 333-й стрелковый полк. Командный состав там опытный, грамотный. Подучитесь у знающих людей, наберетесь опыта. Ну, а дальше посмотрим. Как вы на это смотрите?

– Готов служить там, где надо.

– Значит, решено. Дивизия расквартирована в городе Бресте. Рядом с границей. Многие из ее командиров воевали в Финскую кампанию, участвовали в Освободительном походе. Так что о службе знают не понаслышке. Помогут на первых порах, дальше все зависит от вас. Возражения есть? – спросил Кравцов и, увидев мое отрицательное покачивание головой из стороны в сторону, продолжил: – Нет! Я так и думал. Сейчас пойдете к Наталье Ивановне. Это тут рядом – ее кабинет по коридору налево, через три двери по этой стороне. Отдадите ей вот эту записку, и она подготовит документы. Всего хорошего, счастливой службы, – пожав мне руку, попрощался Кравцов.

Найдя Наталью Ивановну и передав ей записку Кравцова, уточнил, когда можно прийти и забрать документы. Немного подумав, она сказала, что не раньше чем часа через три.

Что делать эти три часа в почти незнакомом городе? Сидеть и ждать в здании управления совсем не хотелось. Уж лучше на воздухе побыть. В своем времени мне несколько раз приходилось посещать Минск по делам службы. Так что с городом я знаком, вернее, знаю его таким, каким он станет после войны. Единственное место, которое точно есть сейчас, – это парк им. Горького. Туда я и направил свои бранные кости.

Штаб округа был расположен на улице Советская, дом 18. Рядом с ним в соседнем квартале раскинулся Александровский сад. Так что пришлось идти через сквер, мимо Дома Красной Армии, вниз с горки по улице Карла Маркса (весьма крутая, надо сказать, горка) и по мосту в парк. Заодно в Доме Красной Армии навестил буфет.

Выбрав место на лавочке в тени под старой липой, присел и задумался.

Еще вчера казалось, что жизнь просто так, за красивые глазки, закидала меня бонусами. Разве не так? Одно личное дело Седова чего стоило? Да и вообще, все как в сказке. А сегодня, похоже, судьба решила отыграться и уравновесить шансы. Почему? Потому, что за все хорошее принято платить. Хотя кто его знает, может, я и неправ.

Судьба начальника штаба Западного Особого военного округа генерала Климовских В. Е. мне хорошо известна – по решению трибунала расстрелян в июле 1941 г. Правда, не один, а с кучей «товарищей». Его брали не одного, а с порученцами и так далее. Кого-то из них поддержали, да выпустили, а кого-то и к стеночке приставили. Так что очередной бонус я обрел – не попал в эту команду. Это с одной стороны. А вот с другой, как сказать...

В свое время пришлось полистать исследования по обороне Брестской крепости, которые шли вразрез с тем, что читал и смотрел в детстве...

В школе зачитывался Смирновым. Его «Героическая оборона» была одной из любимых книг. Как хотелось стать в один строй к майору Гаврилову, Матевосяну, комиссару Фомину и многим другим, помочь отстоять крепость и победить врага. Или хотя бы прикоснуться к развалинам крепости и увидеть, как все было. Кто из моего поколения не смотрел: «Бессмертный гарнизон», «Дочь командира», «Я – русский солдат»? Не было таких! А картины Петра Кривоногова, Николая Бута, Ивана Ахремчика, Евгения Грибова с Марком Малютиным, растиражированные по книгам, учебникам, маркам, значкам и открыткам. А разве могла оставить равнодушным картина «Знамя Победы» художника Николая Владимировича Колупаева? С детства сохранилась память о висевшем в рекреации нашей школы стенде с информацией о земляках – защитниках крепости. Более сотни тамбовчан, из состава зенитного дивизиона, под руководством майора Гаврилова сражались на Восточном редюите. Сколько лет прошло с тех пор, а память осталась. Кто это помнит, меня поймет.

С возрастом пыл немного угас, но не потух. Просто стал более взвешенно, критически относиться к написанному в книгах и мемуарах. Научился читать между строк. Слишком много там было недоговоренного, а порой и не совсем правдиво описанного. Списывалось это на секретность и идеологию. Даже у известных лиц, которым вроде и обманывать нельзя.

Настала «дерьмократическая» пора. Пошли всякие инсинуации на тему защиты крепости. Маститые авторы пера, заслуженные деятели бумажных наук захлеб поливали грязью нашу историю. Туда же полилась грязь и с телеэкранов. Документальные сериалы «НТВ» и других каналов... Потом вроде бы остановились и сняли фильм «Брестская крепость». На просторах Интернета стали множиться сайты, обсуждавшие правду и вымысел защиты крепости. На полках книжных развалов появились серьезные, проработанные книги и статьи. Среди них своей взвешенной оценкой выделялись работы Ростислава Алиева.

И вот теперь мне все придется проверить на своей шкуре. Жаль, что все, когда-то прочитанное и просмотренное, не удалось захватить сюда с собой. Но, в принципе, жизнь покажет, что к чему. Да и в памяти кое-что осталось об ошибках обороны. Голова на плечах есть, попробуем их исправить или хоть повлиять на историю. Будем считать это еще одним бонусом от жизни. А там, бог не выдаст, свинья не съест. Поживем.

В указанное время Наталья Ивановна выдала мне пачку бумаг, главными из которых были выписка из приказа и предписание о явке в полк. Заодно она подсказала, как найти финансиста и получить литер на поезд. Поблагодарив за участие в своей судьбе, пошел искать «финика». Найдя и без проблем решив вопросы с проездными, двинулся на вокзал. Все, больше делать мне в Минске нечего. Время не ждет.

На вокзале выяснилось, что поезд на Брест будет только вечером. И спешить мне некуда. Другого транспорта все равно нет. Поэтому, взяв билет, уселся в зале ожидания вспоминать все известное о боях в крепости. План, составленный мной в Москве, в принципе подходил и для этого случая.

Из воспоминаний адмирала Исакова:

«...За две недели до войны я докладывал Сталину по разным текущим вопросам. Это были действительно текущие вопросы, и некоторые из них даже не были срочные. Я помню это свидание и абсолютно уверен, что Сталин был тогда совершенно убежден в том, что войны не будет, что немцы на нас не нападут. Он был абсолютно в этом убежден. Когда несколькими днями позднее я докладывал своему прямому начальнику о тех сведениях, которые свидетельствовали о совершенно очевидных симптомах подготовки немцев к войне и близком ее начале, и просил его доложить об этом Сталину, то мой прямой начальник сказал:

– Да говорили ему уже, говорили... Все это он знает. Все знает, думаешь, не знает? Знает. Все знает...

...Я несу тоже свою долю ответственности за то, что не перешагнул через это и не предпринял попытки лично доложить Сталину то, что я докладывал своему прямому начальнику. Но, чувствуя на себе бремя этой вины и не снимая ее с себя, должен сказать, что слова эти, что «Сталин все знает», были для меня в сочетании с тем авторитетом, которым пользовался тогда в моих глазах Сталин, убедительными...»

После обеда Поскребышев доложил Сталину о пакетах с пометкой «Воздух», поступивших на его имя в приемную ЦК. Распорядившись доставить их в Кремль, Сталин занялся текущими делами и просмотром документов, принесенных секретарем. Минут через десять с разрешения Сталина в кабинет вошли фельдъегерь и начальник личной охраны комиссар госбезопасности 3-го ранга Власик. Достав из портфеля семь больших пакетов, фельдъегерь передал их Сталину. После чего он вместе с Власиком вышел, оставив хозяина кабинета наедине с бумагами.

На сегодня было запланировано несколько заседаний и встреч. Но сейчас было немного времени, чтобы изучить присланное ему. Обычно Сталин в день читал по 400 страниц, считая это минимальной нормой. В пакетах же находилось значительно больше листов. Послание было написано чернильной ручкой и далеко не каллиграфическим почерком. Но читать, не сильно напрягая глаза, было можно. Текст письма заинтересовал руководителя страны Советов...

От автора...

Я не считаю для себя возможным писать, о чем думал или не подумал, читая письмо, один из Великих (не побоюсь употребить это слово) людей прошедшего века. Мысли у каждого человека индивидуальны, и в каждый момент своей жизни он думает по-своему. Осмысливает при этом имеющиеся у него знания и сведения. Автор же не Сталин, не Тимошенко, не Жуков и не один из тех, кто может принять решения на уровне страны и ее армии. Поэтому оставляет им их мысли, стремления и возможность принимать те или иные решения.

Его Герой выполнил одно из своих, возможно главное, предназначение – предупредил руководство государства о приближающейся войне и событиях, последующих за этим. Хотя еще в апреле 1941 г. Сталин не сомневался в том, что Германия нападет на СССР. Он знал о возможном германском нападении, знал о концентрации немецких войск на границе. Сведениям разведки вполне доверял. Не знал он того, что точная дата нападения все-таки определена Гитлером, и потому не мог до конца понять, до какой степени авантюризма может он дойти. Но, не зная и не понимая всего этого, Сталин, тем не менее, выдвигал на запад Красную Армию, принимал адекватные меры к противодействию возможной угрозе.

Во всяком случае, доступная сейчас информация говорит об этом.

Из Записки Наркома Внутренних Дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову и Наркому Обороны С. К. Тимошенко о переброске германских войск к советской границе и нарушении воздушного пространства СССР, № 1196/Б от 21 апреля 1941 г., гриф «Совершенно секретно»:

«...Пограничными отрядами НКВД Украинской и Молдавской ССР дополнительно добыты следующие данные:

По советско-германской границе

20 мая с. г. в Бяло-Подляска... отмечено расположение штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения.

В районе Янов-Подляский, 33 км северо-западнее г. Бреста, сосредоточены понтоны и части для двадцати деревянных мостов...

31 мая на ст. Санок прибыл эшелон с танками...

20 мая с аэродрома Модлин в воздух поднималось до ста самолетов.

По советско-венгерской границе

В г. Брустура... располагались два венгерских пехотных полка и в районе Хуста – германские танковые и моторизованные части.

По советско-румынской границе...

В течение 21–24 мая из Бухареста к советско-румынской границе проследовали: через ст. Пашканы – 12 эшелонов германской пехоты с танками; через ст. Крайова – два эшелона с танками; на ст. Дормэнэшти прибыло три эшелона пехоты и на ст. Борщов два эшелона с тяжелыми танками и автомашинами.

На аэродроме в районе Бузеу... отмечено до 250 немецких самолетов...

Генеральный штаб Красной Армии информирован...»

Из Спецсообщения Разведуправления Генштаба Красной Армии о подготовке Румынии к войне, № 660586 от 5 июня 1941 г.:

«...Румынская армия приводится в боевую готовность.

С середины апреля румынское командование приступило к увеличению численного состава армии. Начавшийся 21 апреля призыв резервистов и офицеров запаса на сборы сейчас принял характер скрытой всеобщей мобилизации. Повестки о мобилизации в короткий срок были вручены непосредственно мобилизованным. Повестки вручались специально подготовленными командами. За отправкой мобилизованных установлено особое наблюдение со стороны полиции.

Общий состав румынских войск на 1 июня 1941 г. следующий:

Армий – 3
Армейских корпусов – 7
Пехотных дивизий – 20
Гвардейских дивизий – 1
Мотопехотных дивизий – 1
Кавалерийских дивизий – 4
Горнострелковых бригад – 4
Отдельных кавалерийских бригад – 2
Мотомеханизированных бригад – 1
Фортификационных бригад – 2

Из этого состава в Молдавии находится 9 пехотных дивизий, две кавалерийские дивизии, две горнострелковые бригады и, по непроверенным данным, в Пятра отмечается мотомеханизированная бригада.

К этой же группировке можно отнести добруджанскую группировку, состоящую из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады.

Таким образом, против СССР сосредоточено 11 пехотных дивизий, две кавалерийские дивизии, механизированная бригада, две горнострелковые бригады и одна отдельная кавалерийская бригада.

При использовании всех людских ресурсов и при немецком вооружении, румынская армия может быть доведена до 40 пехотных дивизий, общей численностью до 1800 тысяч человек.

За последние полгода румынское командование уделяло особое внимание авиационным, танковым и инженерным частям. Под руководством немецких офицеров при 1-м и 2-м танковых полках, а также и в авиационной школе в г. Текуче, офицерский состав румынской армии проходил и проходит усиленную подготовку. 380 офицеров, окончивших учебу, направлены в части, расположенные в Молдавии.

Отмечается наличие кавалерийского корпуса, тогда как ранее кавалерия в корпуса не сводилась.

Вооружение для румынской армии поступает с заводов Шкода и Германии.

Офицерам румынской армии в мае выданы топографические карты южной части СССР.

В Молдавии в настоящее время сокращены пассажирские поезда на 10 дней. По официальным сведениям, войска концентрируются в северной части Румынии.

В приграничной полосе с СССР отмечалось занятие окопов первой линии полевыми войсками.

Подтверждается эвакуация государственных учреждений из городов Молдавии, а также местного населения из приграничной зоны. Румынский государственный банк эвакуировал свои архивы из Бухареста в Предеал. Имеется распоряжение о постройке в городах и селах своими средствами каждой семьей траншеи или примитивного бомбоубежища к 15 июня.

Министерство спустило указание о досрочных экзаменах в школах с тем, чтобы здания подготовить под казармы и госпитали. Экзамены должны быть закончены к 10 июня. Отмечен призыв на сборы студентов последних курсов медицинских факультетов, а также студентов других специальностей.

Офицеры румынского генштаба настойчиво утверждают, что, по неофициальному заявлению Антонеску, война между Румынией и СССР должна скоро начаться...

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной Армии
генерал-лейтенант Голиков»

ЦА МО РФ. Оп.7237. Д. 2. Лл. 117–119. Машинопись на типографском бланке, заверенная копия. Имеются пометки. Рассылка: Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Кузнецову, Жданову, Жукову, Маленкову. (Взято из сборника документов «1941 год», т. 2. Документ № 525.)

При наличии такой информации письмо Седова, может быть, станет маленьким камнем, способным обрушить лавину приведения войск в полную боевую готовность. А может, все будет наоборот. В любом случае еще древние римляне утверждали: «Praemonitus praemunitus!», то есть «Кто предупрежден, тот вооружен!». Вот и будем следовать древней мудрости.

Автор оставляет читателям право самим додумать и ответить на возникающие вопросы: Какое впечатление письмо произвело на Сталина? Поверил ли он ему или нет? Что будет сделано и какое решение примет Сталин? То, что письмо заинтересовало Сталина, не вызывает сомнения. Подтверждением этому может служить то, что в этот день Сталин никого в своем Кремлевском кабинете не принял.

Думается, что, прочитав письмо, Вождь советского народа даст указание постараться установить, откуда письмо пришло и кто его автор. Обязательно проверит информацию, изложенную в письме. Просто так, скоропалительно, без консультации со специалистами, он никакого решения принимать не будет. И это правильно.

А что тем временем делает наш герой? А он сидит в это время на железнодорожном вокзале г. Минска и ждет свой поезд в г. Брест. Чтобы попытаться немного подвинуть историю в нужное русло.

Из разговора, состоявшегося в здании штаба Западного ОВО:

– Разрешите, товарищ полковник?

– Заходи, Николай Григорьевич, присаживайся, – ответил хозяин кабинета, ставя стакан с чаем на столик. – Чаю хочешь? У меня вот тут сушки есть. Дочка позаботилась.

– Не откажусь. У вас чай всегда вкусный. Сегодня свободного времени совсем не было – прибывших много. Пока с ними прозанимался, пообедать не успел.

– Что, много прибыло? Это хорошо! Даже очень хорошо. Всех успел раскидать?

– В основном прибыла молодежь после училищ и курсов. Но есть и постарше. Из запаса. Командиров с опытом руководства подразделениями мало. Тех, кто имеет опыт боевых действий, практически нет. А так все пока идет по плану. Надеюсь, к 1 июля большую часть ваканта заполним.

– Понятно. Климовских на последнем совещании поднимал вопрос о некомплекте командных кадров. Так что готовься, со мной пойдешь к нему с отчетом и склейку свою возьми. Кстати, данные на сегодня в мою занеси, чтоб под рукой была. Что по вновь формируемым частям?

– Надо пойти, так схожу. Всегда готов, как пионер. В 17, 20, 13, 11-м мехкорпусах пока сложно. Командный состав частично прибыл. Остальные должны быть к концу месяца. Закончив с приграничными частями, сразу же займемся ими.

– Хорошо. Тут телеграмма пришла из Орловского военного округа. На посмотри, не прибывал к нам такой? А то они его хотят назад к себе получить. Фамилия знакомая, мы вроде его куда-то сюда в штаб отбирали.

– Был сегодня. Пару часов назад. Приехал раньше срока. Мы его в порученцы к Климовских планировали.

– Куда ты его дел?

– В 333-й стрелковый отправил. Парень понравился. Неплохой – спокойный, характеристики и аттестация отличные. Его личное дело я Наташе сдал на оформление и отправку в полк. Если надо, давайте вернем назад. Должность у нас найдем.

– Говоришь, парень неплохой? Тогда мы его точно не отдадим. Самим пригодится, но спешить не будем. Внеси в резерв на выдвижение. Если не опростоволосится в полку, к себе заберем. Дело у Наташи? Давай я его посмотрю, пусть она его принесет, – ответил хозяин кабинета.

Воспользовавшись телефоном начальника, майор Кравцов вызвал секретаря и попросил принести личное дело лейтенанта Седова.

– Сегодня же подготовишь ответ на телеграмму. Сообщишь, что он прибыл, куда назначен. Нечего с соседями ругаться, вдруг нам что потребуется от них.

Вскоре Наталья Ивановна принесла указанное дело. Хозяин кабинета быстро пролистал папку, иногда задерживаясь на некоторое время на той или иной странице для изучения нанесенных на них отметок.

– Может, зря мы его в полк отпустили? Как думаешь? По документам парень действительно хороший, нам бы пригодился. Может, надо было на кого заменить?

– Может, и надо. Я думаю, пусть в войсках себя покажет, а там посмотрим.

– Чего ты его так далеко засунул? У нас что, ничего поближе нет? Например, в сотой дивизии?

– Тут из шестой дивизии комиссар звонил. Просил подобрать командиров для укрепления дивизии, а то Тимошенко по итогам инспектирования округа во всех отношениях в худшую сторону выделил дивизию. Думаю, надо уважить и помочь в таком деле.

– Ладно, что сделано, то сделано. Ты его держи на примете. Знаешь, что еще сделай, позвони в полк и предупреди о Седове, пусть к нему присмотрятся. Если есть возможность, пусть нагрузят работой по штатной линии. Так парень и себя покажет, и опыта наберется, а мы при необходимости получим обученного специалиста.

Уже несколько часов я сидел на вокзале. Честно говоря, отвык от таких вот посиделок в ожидании отправления. То ли дело в мое время – сидишь с ноутом, лазишь в Интернете по разным сайтам, общаешься, читаешь. В общем, с чувством, с толком и с расстановкой проводишь время, а тут совершенно нечего делать. Книга, купленная в Тамбове, осталась лежать в чемодане. От нечего делать погулял вокруг привокзальной площади, наблюдая за мирной жизнью минчан. Был остановлен и проверен патрулем, посидел в сквере, почитал местную прессу. Как же медленно тянется время! Скорее бы уже в часть, к делу, а то прохлаждаюсь тут.

Наконец объявили посадку на поезд. Получив багаж, присоединился к большой группе отъезжающих, собравшихся на перроне. Вскоре подали поезд на посадку, и я вошел в свой вагон. Осталось переспать всего одну ночь – и я прибуду на место. Проводник при посадке предупредил, что на старой границе пограничники будут проводить проверку документов. Желательно их дожидаться, чтобы не будили. Купе оказалось занято пожилой семейной парой из Москвы. Они ехали до Березы в отпуск к сыну и радовались скорой встрече с ним. Показывали фотографии, а мне было больно за них. Я прекрасно понимал, что, возможно, они в последний раз увидят его. Если не успеют вовремя уехать, то хлебнут полную чашу прелестей отступления и оккупации. Но говорить им об этом нельзя, не поймут. Стиснул зубы и при дальнейшем общении с соседями старался, чтобы переполнявшие меня эмоции не вырвались наружу.

Поезд шел по расписанию. Стучали колеса на стыках рельсов. На остановках к вагонам подходили жители и предлагали пассажирам свою снедь. За окном вступила в свои права короткая летняя ночь. После проверки документов пограничниками и проводов соседей я остался один. Думать ни о чем не хотелось. Раздевшись, прилег на понравившуюся полку, тем более проводник сказал, что до Бреста вряд ли кто подсядет. Уснул почти что сразу. Спал без сновидений, что называется с чистой совестью.

Глава 7. В Бресте

Было раннее утро, когда наш поезд остановился на железнодорожном вокзале Бреста. Вдоль состава пробежала судорога, сопровождаемая лязганьем сцепок. Подхватив вещи, я вышел из вагона. Ну, что ж, здравствуй, город Брест! Город воинской славы и бессмертного подвига. Стояла отличная летняя погода. Солнечный, ясный день набирал свою силу.

Оправив гимнастерку, я неторопливо зашагал по перрону в сторону привокзальной площади. Проходя мимо здания вокзала, нос к носу встретился с Сергеем Акимовым. В первую минуту даже растерялся. Он тоже, а затем бросился ко мне.

– Здорово, Володя! Удалось уговорить? Я знал.

– Привет, Сереж. Вот видишь, как судьба нас свела вместе. Ты здесь на вокзале служишь?

– Нет, что ты. Мы сейчас с начальником по объектам с проверкой и ознакомлением едем.

Вечером вернусь. Тебя куда назначили?

– В крепость, в 333-й стрелковый полк 6-й дивизии.

– Вообще хорошо. Найдемся.

В это время к нам подошел капитан войск НКВД. Поздоровавшись, обратился к Сергею: «Сергей Ильич, вы готовы? Поедем? Сейчас на второй путь дрезину подадут, поторопитесь».

– Всегда готов. Вот, товарищ капитан, знакомого встретил, – ответил Сергей.

– Знакомый это хорошо, но нам пора. Пойдемте, – сухо сказав это, капитан пошел на перрон.

– Володь, не обижайся. Мне пора, сам понимаешь, потом поговорим. Как вернусь, я тебя найду. Если что, то давай или здесь в ресторане, или в «Доме Красной Армии» увидимся, – и, пожав на прощание руку, он бросился догонять капитана.

– Увидимся, конечно, – уже вслед Анохину ответил я.

Все это хорошо, но толпа прибывших на привокзальной площади значительно поредела, как и поредели автомашины и извозчики, ожидавшие пассажиров. В Бресте я раньше никогда не был. Доводилось видеть старые карты города. Знаю, что крепость от вокзала где-то недалеко и можно пешком дойти. Но с багажом в руках искать дорогу, расспрашивая местных, не хотелось. Пошлют куда-нибудь в другую сторону. Проще найти военного и у него спросить. Осмотревшись по сторонам, заметил в стороне от вокзала грузовик «ЗИС-5». На ступеньке кабины, подставив солнечным лучам лицо, сидел боец. Как раз то, что надо. Надеюсь, это не диверсант. Смеюсь, конечно. Явно наш боец – вид слегка расхристанный и помят, пилотка на затылке. Диверсанты такими не бывают – они форму соблюдают. Видя, что я направляюсь к нему, боец встал, одернул гимнастерку и поправил пилотку. Подойдя к нему, я спросил, как попасть в крепость.

– Красноармеец Карпов, Сергей Александрович, – представился он. – А что вам идти и ноги отбивать, товарищ лейтенант? Сейчас старший машины подойдет. Вы с ним и поговорите, может быть, мы вас подвезем.

– Вот и отлично. Надолго он ушел?

– Уже должен прийти. Он бойцов встречает.

Пока мы разговаривали, со стороны вокзала показалась группа бойцов во главе с младшим воентехником. Видя нас беседующими, он поспешил к машине. Подойдя, представился: «Командир автохозяйственного взвода 31-го автобата – младший воентехник Козлов. Что-то случилось, товарищ лейтенант? Карпов, в чем дело?»

– Да вот, товарищ лейтенант вас спрашивает, – ответил боец.

– Ничего не произошло. Извините, вас по имени-отчеству как? Лейтенант Седов, Владимир Николаевич, еду к новому месту службы, ищу попутку в крепость. Вы меня с собой не подберете?

– Степан Фролович. Подвезти можно. Только документы предъявите. Вам в крепости куда надо? – ответил Козлов.

– В 333-й стрелковый, – доставая предписание и удостоверение, ответил я.

– К нам в дивизию, – читая предписание, сказал Козлов. – Соседями будем. Наш автомобильный батальон расположен как раз рядом с вашим штабом и казармами. Садитесь в кузов, довезем до места с ветерком. У вас вещей много?

– Чемодан и два пакета.

– Вообще прекрасно. Бойцы, заканчиваем перекур. К машине! Место у кабины не занимайте, оставьте товарищу лейтенанту, – сказал воентехник курившим в сторонке бойцам.

Погрузившись в автомашину, мы тронулись в путь по мощенным камнем улицам Бреста и вскоре через Северные ворота въехали в крепость.

Что представляла собой Брестская крепость? Внутренним ядром крепости была ее цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Западным Бугом, а с юга и севера – рукавами реки Мухавец. Кольцевой стеной цитадели являлась кирпичная двухэтажная казарма с 500 казематами для размещения войск. Под казематами находились складские помещения, а ниже, говорят, есть сеть подземных ходов (которые до сих пор так и не нашли). Двое ворот в виде глубоких тоннелей соединяли цитадель с мостами через реку Мухавец, которые выходили на бастионы крепости. Третьи ворота выходили к мосту через основное русло Западного Буга. Кольцо бастионов с крепостными сооружениями, казармами и складами являлось внешним прикрытием цитадели. С внешней стороны этого кольца более чем на 6 км тянулся массивный земляной вал десятиметровой высоты, который являлся наружной стеной всей крепости. Земляной вал опоясывался рукавами рек Западного Буга и Мухавца, каналами и широкими рвами, заполненными водой. Система рукавов рек и каналов в кольце бастионов образовала три острова – Пограничный, Госпитальный и Северный. В нескольких километрах от земляного вала крепости проходило кольцо фортов, значительная часть которых использовалась для размещения войск и складов.

Проехав через мост и Трехарочные ворота, машина повернула направо, вдоль сложенной из красного кирпича Кольцевой казармы. Все было узнаваемо по фотографиям и виденным в свое время схемам, даже без объяснений. Вот слева остались клуб 84-го полка (бывший католический костел, а до этого православная церковь Св. Николая) и столовая командного состава. Вот артиллерийский и автомобильный парки. Орудия вместе с передками стоят на открытой всем ветрам площадке. Лишь пара часовых обреченно прохаживались у «грибков». Вокруг практически все было в зелени, от деревьев и до формы бойцов и командиров, поодиночке или в составе команд и подразделений,двигающихся по дорогам. На этом фоне достаточно часто мелькали женские и детские платья и костюмчики.

Мы подъезжали к белому, большому, массивному, на высоком фундаменте, двухэтажному зданию Арсенала, отделяющего собой часть цитадели. Он протянулся практически через весь двор – с северной и с южной стороны, проезд между ним и Кольцевой казармой перегородивала белая каменная ограда. В этом здании располагались штаб и почти все подразделения моего полка – три батальона и полковая школа. Окна первого этажа здания были зарешечены. Немного левее от здания Арсенала, ближе к Тереспольской башне, стояло огражденное забором двухэтажное здание 17-го погранотряда. За ним высилась сама башня Тереспольских ворот.

Проехав через ворота между Арсеналом и Кольцевой казармой, мимо очередного артиллерийского парка, наша машина направилась к Бригитскому проезду и остановилась на стоянке автотранспорта недалеко от здания Круглого туалета. Получив разрешение от вышедшего из кабины воентехника, бойцы попрыгали на землю и словно боялись, что он у них пропадет, полезли в карманы за табаком. Следом за ними из кузова спустился и я. Поблагодарил Козлова за доставку. Тот, улыбаясь в ответ, произнес:

– Как соседу не помочь? Глядишь, когда-нибудь и ты мне поможешь. Куда идти, знаешь?

– Откуда? – ответил я. Не буду же я говорить, что схему крепости и где находится штаб полка, знаю.

В течение нескольких минут Степан Фролович объяснил, где найти в Арсенале дежурного по части. Показал, где в Кольцевой казарме располагались конюшни, склады и мастерские моего полка. Сказал, что помещения полка идут до Тереспольской башни, а в ней живут семьи полковых командиров. Короче говоря, ввел в курс дела. Поблагодарив еще раз, я подхватил вещи и направился по краю большого плаца к зданию Арсенала.

На входе уточнил у бойцов, где найти дежурного по части. Один из них вызвался меня проводить. Едва войдя в помещение, окунулся в амбре, типичное для любой казармы, – смесь ароматов ваксы, мастики и скученности большой группы людей. Длинный коридор с высокими сводчатыми потолками шел в обе стороны от входа. Повернув налево и пройдя по коридору, оказались у комнаты дежурного по части. В помещении за столом с несколькими телефонами сидел старший лейтенант с кумачовой повязкой дежурного на рукаве. На его лице, около виска, был виден старый шрам.

– Дежурный по части старший лейтенант Потапов, Александр Ефремович, – представился он.

Достав свои документы, я представился и спросил, где найти командира полка или начальника штаба.

Посмотрев мои документы, Потапов вернул их мне. Оказалось, что командования полка на месте нет. Оно в полном составе на совещании в штабе дивизии и будет часа через два. На месте должен быть писарь строевой части Иван Степанов и секретарь комитета комсомола полка замполитрука Осадчий. Им я могу сдать свои документы. Затем, вызвав дежурного по штабу, Потапов поручил позаботиться о моем размещении в общежитии. Заодно предложил мне вместе сходить в столовую на завтрак. Я согласился.

Следом за сержантом по лестнице поднялся на второй этаж. Мой провожатый рассказал, где расположены необходимые удобства. Пройдя по коридору мимо дневального, оказались в большой комнате, приспособленной под общежитие комсостава. Здесь стояли с десяток железных кроватей без матрасов и постельного белья, большой шкаф, несколько столов и штук восемь табуретов и тумбочек. На крашенных полах и подоконниках лежал тонкий слой пыли. Похоже, что помещение достаточно давно пустовало, что было странно при той скученности войск, находившихся в крепости. Видно, командир заранее обеспокоился сохранением помещений для размещения прибывающего пополнения.

– Товарищ лейтенант, вы пока располагайтесь, я сейчас старшину найду, он вам все обеспечит, – торопливо сказал мой «Вергилий» и исчез за закрытыми дверями.

Окна комнаты выходили на плац, на котором человек сто бойцов, под руководством сержантов, отрабатывали строевые приемы без оружия. Большинство из них показались мне выходцами с Кавказа и Средней Азии. Коль я здесь пока один и есть такая возможность, то почему бы не обеспечить себе комфорт по максимуму? Выбрал себе место у стены и поставил чемодан на кровать. Несколько крупных гвоздей, вбитых наполовину в стену, изображали из себя вешалки. В дверь постучали. Я не успел ничего ответить, как в дверях появилась фигура в военной форме с ведром и шваброй.

– Товарищ лейтенант, дневальный по штабу красноармеец Балюк. Дежурный распорядился тут порядок навести. Разрешите? Или попозже зайти? – спросил он.

– Наводите, – только и смог ответить я, удивляясь такой оперативности дежурного, за несколько минут организовавшего уборку. Мешать бойцу не стал, тем более что меня ждал Потапов. Он был на месте, но просил немного подождать, так как с завтрака еще не вернулся помдеж. И предложил пока отметиться в строевой и у Осадчего, который совсем недавно прошел к себе. Тоже дело. Найти их не составило труда. Показал свои документы Степанову. У

Осадчего встал на комсомольский учет, сдав учетную карточку. Оба внимательно рассмотрели и проверили документы. Задали общий вопрос – в каком батальоне и на какой должности я буду служить? Что я мог на это ответить? Сам не знаю, но оба мне понравились своей деловитостью, дружелюбием и предложением заходить на огонек.

У комнаты дежурного по части меня нетерпеливо ждал Потапов: «Все? Пойдем поедем?» Я подтвердил, что все сделал, и мы по коридору, мимо караульного помещения, прошли к центральному выходу из здания. На улице светило солнце, и после полумрака казармы все вокруг казалось ярким и резким. Давая глазам привыкнуть к свету, несколько минут постояли на ступеньках, а затем, повернув налево, пошли вдоль здания Арсенала в столовую.

По дороге Потапов расспрашивал меня об училище, рассказывал и показывал, что и где находится в цитадели. Я же добросовестно озвучивал ему биографию Седова. За разговором мы очень скоро оказались в одноэтажном помещении столовой. Там было всего несколько командиров, торопливо заканчивающих свой завтрак. Официантка практически тут же накрыла стол. Вопросов ко мне у нее не возникло. Порции были немного поменьше ресторанных, но тоже большие.

Поев, той же дорогой возвращаясь назад, продолжили беседу. Выяснилось, что Потапов в части недавно – раньше проходил службу во 2-м Отдельном Местном стрелковом батальоне города Лосиноостровск. Здесь служит в должности старшего адъютанта 1-го батальона. Разговор коснулся службы, личного состава, бытовых условий, обеспечения. Саша предложил мне на выбор подождать командира в клубе или Ленинской комнате. Оба помещения находились тут же в здании, на первом этаже. Клуб рядом с расположением, 2-го батальона, а Ленинская комната у 1-го батальона, сразу за казармой полковой школы. Но я выбрал свой вариант. Сославшись на то, что надо разобрать вещи, решил вернуться в общежитие. Потапов пообещал, что, как только появится руководство полка, он пришлет за мной дневального. У лестницы на второй этаж мы расстались. Он пошел в дежурку, а я к себе в комнату.

Там было все прибрано, не очень чисто, но тоже нормально.

Полы вымыты, пыль с подоконников вытерта, кровать заправлена постельным бельем и солдатским серым одеялом. На тумбочке уместились мой чемодан и пакеты, а на одном из гвоздей висели двое плечиков, скрученных из толстой проволоки. Как раз то, что надо. Поговорку «Встречают по одежке, а провожают по уму» никто не отменял. За время службы в армии приучили, что представляться начальству надо при полном параде, со всеми наградами. Традиция. Хочешь не хочешь, а выполнять придется. Распаковав вещи, развесил их на плечиках. Отутюженный еще в Москве мундир сохранился в отличном состоянии. В нем и пойдем. Если что, то успею переодеться в повседневное. Сняв гимнастерку, принялся наводить щеткой блеск на сапоги. И они засверкали, как у кота определенные места. Смотреться в них вместо зеркала вполне можно.

Из чемодана в планшетку перекочевала папка с планом боевой подготовки и справочник по германской армии. Если будет такая возможность, попытаюсь переговорить с командиром об этом. Именно здесь, в крепости, и нужно будет такое подразделение. Очень надеюсь на взаимопонимание со стороны командования. Ну, а если не пойдет, то буду гонять свой взвод, готовя к предстоящим боям. Неподготовленные, они мне не нужны и просто так отдадут свои жизни с минимальным ущербом для противника. Тут до меня дошло, что нужен макет и схема крепости. Даже если 22 июня я встречу вне стен крепости, он может пригодиться другим в качестве наглядного пособия. Стол есть, проволоку найдем, старые газеты тоже. Как примерно выглядит крепость с высоты птичьего полета, помню. Масштаб можно подобрать, он не особо важен. Главное, чтобы наглядно было. Опыт создания макетов у меня есть. Еще раз большое спасибо моему счастливому советскому детству и родителям, покупавшим мне сборные модели военной техники и помогавшим в создании диорам из них.

Кроме того, надо будет намекнуть о необходимости восстановления колодцев с питьевой водой в казармах и на территории цитадели. А то при обороне жажда была одной из главных проблем. Поднять этот вопрос важно и как противопожарный.

Нужно поднимать вопрос и о стоящих на открытых площадках орудиях и техники. Вообще, надо срочно заняться вопросником по обороне крепости. Неизвестно, что там с письмами к Сталину и что он сделает по ним. Но с началом войны оборона крепости будет одно-значно. Я не могу обойти ее стороной, так как, насколько помню, именно подразделения моего полка тут и сражались.

Размышлизмы прервал деликатный стук в дверь. Это оказался дежурный по штабу. Извинившись, сержант протянул мне ключ от комнаты, пояснив, что его надо оставлять, когда буду уходить, у дневального. Поблагодарив за наведение порядка в комнате и заправку постели, уточнил насчет командования полка. Оно еще не вернулось. Пообещав сразу сообщить, как оно появится, дежурный скрылся за дверью, словно я его съесть могу.

Достав несколько чистых листов бумаги и ручку, принялся накидывать вопросы и проблемы, возникшие при обороне крепости в памятной мне истории приближающейся войны. Тут же напротив них стал набрасывать и способы их решения. Надо заводить тетрадь, а то листы могут потеряться. Да и вообще, нужно как минимум еще пару тетрадей потолще для записей на будущее. Кстати, пока не забыл, необходимо что-то придумать с личными номерами для личного состава, чтобы бойцы не пропали без вести. Проще всего сделать их из оловянных ложек. Да только где их найти в таком количестве? Хотя для своего взвода и роты вполне можно отыскать. Должны же они продаваться в магазинах или быть на складе.

Хорошо, что завел знакомство с Козловым из автобата. Там парни грамотные, и, если не удастся решить вопрос с «ПБС» у себя в мастерских полка, обращусь к нему. Думаю, что не откажет в такой малости. Делать надо сразу на винтовку и на «наган», неплохо было бы смастерить еще на «люгер». Чертежи есть. Готовиться надо по максимуму. С собой, конечно, много не унесешь, только то, что смогу сложить в мешок...

Вновь постучали в дверь. Это снова был дежурный, сообщивший, что прибыл командир полка. Поблагодарив и отпустив сержанта, я стал собираться, а то вдруг командир уедет. Лови его потом – у него дорог и забот много, а тут время уходит. Я срочно хочу дорваться до личного состава и начать над ним изгаляться. Сержант ждал меня в коридоре. Проводив до кабинета командира полка, он ушел, а то я уж подумал, что вместе к командиру пойдем. За неплотно прикрытой дверью кабинета слышались голоса. Что ж, придется подождать, пока командир освободится.

Дверь кабинета открылась, и оттуда, что-то обсуждая на ходу, вышло несколько командиров. Продолжая разговор, они двинулись по коридору к выходу. Из неплотно прикрытой двери раздавались голоса еще нескольких человек, остававшихся в кабинете. Пришлось стоять и ждать, когда закончится совещание. Вскоре из кабинета с картонной папкой в руках вышел капитан.

– Ты к кому? – спросил он.

– К командиру.

– А, новенький. Степанов мне о тебе говорил, – и, повернувшись в обратную сторону, обратился к кому-то в глубине кабинета: – Товарищ полковник, тут к вам новый лейтенант на прием рвется. Разрешите?

Получив разрешение, он, пропуская меня вовнутрь, вернулся обратно в кабинет. В кабинете находились три человека: стоящий около открытой двери сейфа полковник лет сорока с орденом Красной Звезды и медалью «XX лет РККА» на груди, батальонный комиссар лет тридцати, сидящий за столом, и знакомый мне уже капитан, так и оставшийся стоять у двери.

Выполняя ритуал, представился и доложил о своем прибытии для прохождения службы.

– Здравствуйте. Полковник Матвеев Дмитрий Иванович, – ответил полковник, затем представил остальных: – Замполит полка – батальонный комиссар Аношкин Николай Иванович. Рядом с вами начштаба полка – капитан Руссак Виталий Павлович. Рад, что прибыли к нам. Виталий Павлович, если не спешишь, присядь, подожди.

Пожав мне руку, он предложил: «Присаживайтесь».

– Спасибо, – ответил я, устраиваясь на недавно покинутое кем-то место.

– Какое училище окончили? – поинтересовался комполка.

– Тамбовское пехотное, товарищ полковник. Срок обучения два года. По приказу Наркома Оборона выпущен досрочно.

– Значит, земляк. Наша дивизия до 1939 года была размещена в Орловском военном округе. Нечасто в наши пенаты от вас поступает пополнение. У нас большинство командиров из запаса и с ускоренных курсов. Как добрались? Где устроились?

– Добрался нормально, меня разместили здесь, в общежитии.

– Это хорошо, когда командир и его подразделение рядом. Расскажите о себе, – попросило мое начальство.

Пришлось рассказывать биографию Седова. Иногда мой рассказ перебивал замполит, задавая уточняющие вопросы. Отвечая, пришлось на ходу что-то выдумывать о жизни и учебе моего тела. Командир с начштабом поинтересовались моими знаниями по тактике. Здесь у меня больших проблем с ответами не было. Рассказал, что знал и с чем приходилось сталкиваться во время службы. Я посчитал нужным поднять вопрос о подготовке младших командиров, создании штурмового подразделения и необходимости их усиленного натаскивания. О чем и стал говорить. Очень вовремя вспомнились прочитанные когда-то строки из приказа Наркома Оборона СССР № 120 от 16 мая 1940 года (по результатам Финской войны):

«...Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии...

...Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям. Командиры не командовали своими подразделениями, не держали крепко в руках подчиненных, теряясь в общей массе бойцов. Авторитет комсостава в среднем и младшем звене невысок. Требовательность комсостава низка. Командиры порой преступно терпимо относились к нарушениям дисциплины, к пререканиям подчиненных, а иногда и к прямым неисполнениям приказов. Наиболее слабым звеном являлись командиры рот, взводов и отделений, не имеющие, как правило, необходимой подготовки, командирских навыков и служебного опыта...

...Основной причиной плохого взаимодействия между родами войск было слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск...».

Насколько я понял, мои слова у командования полка отторжения не вызвали. Только начштаба заметил: «Все сказанное вами верно, и приказы Наркома Оборона мы читаем регулярно. Что конкретно можете предложить, или только повторением пройденного материала ограничитесь?» В его словах сквозила неприкрытая ирония и недовольство.

– Почему же, могу, – спокойно ответил я, доставая из планшетки подготовленные материалы. – Здесь план подготовки и конспекты к нему.

На секунду задумался, кому их отдавать – командиру полка или Руссаку. Решил, что командиру лучше, и протянул папку Матвееву. Тот ее взял и стал просматривать.

Возникшую паузу нарушил замполит, ставший мне рассказывать об истории полка и дивизии: «6-я Орловская Краснознаменная стрелковая дивизия является одной из старейших в РККА. Она сформирована 3 мая 1918 года в городе Гдов Петроградской губернии из добровольцев отряда П. Е. Дыбенко, Петроградской Красной Гвардии и рабочих города Нарвы под наименованием Гатчинской пехотной дивизии. С 24 июля 1918 года – 3-я Петроградская

пехотная дивизия; со 2 ноября 1918 года – 6-я стрелковая дивизия; с 6 декабря 1921 года – 6-я Орловская стрелковая дивизия. Участвовала в обороне Петрограда на нарвском направлении. В ноябре 1918 – январе 1919 годов участвовала в Освободительном походе Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию. С января 1919 года вела бои с белогвардейскими и белоэстонскими войсками при отходе из Эстонии, в мае и июне – с войсками Юденича при обороне Петрограда, освобождала Ямбург, во время отражения второго наступления Юденича заняла Красное Село, участвовала в Нарвской операции. В январе – мае 1920 года охраняла границу с Эстонией. В мае – июне 1920 года участвовала в наступлении против белополяков в районе городов Полоцк и Лепель, в июле – августе в боях в районе Докшицы, Глубокое и в Варшавской операции, в сентябре – в боях под Гродно. В октябре 1920 – феврале 1921 годов ликвидировала белогвардейские банды в районе городов Лепель и Сенно. Награждена Почетным революционным Красным Знаменем. В 1939 году принимала участие в боевых действиях в Западной Белоруссии. После освобождения Западной Белоруссии с октября 1939 года вошла в Белорусский особый военный округ. Почти вся дивизия размещена в Брестской крепости.

Наш полк часто называют «стрелково-пограничным». Это связано не только с размещением полка в нескольких сотнях метров от границы, но и с тем, что мы решаем задачи оказания помощи пограничным частям в обеспечении охраны границы. В течение 45 минут один из наших батальонов должен поступить в распоряжение пограничников. По результатам боевой и политической подготовки полк считается лучшим в дивизии. В день 23-й годовщины Красной Армии командир полка награжден орденом Красной Звезды. В полку кроме русских много лиц других национальностей: чувашей, казахов, ингушей, чеченцев, грузин, евреев, призванных в армию осенью 1940 года и весной этого года. Многие из них совсем не знают русский язык. Так что на это надо обратить особое внимание и помогать осваивать русский язык личному составу».

Потом Аношкин поинтересовался моими знаниями по организации политработы с личным составом. Ну, я и выдал то, что знал по учебе и службе. Похоже, удивил и заинтересовал. Во всяком случае он задал вопрос – откуда я так хорошо это знаю? И получил абсолютно правдивый ответ: «Изучал, да и поработать пришлось пропагандистом и секретарем комитета комсомола».

В это время Матвеев закончил просматривать материалы и, задумчиво глядя на меня, передал для изучения материалы начштаба.

– Скажите, лейтенант, кто автор этого документа? Откуда он у вас?

– Автор я. Написан по материалам изучения Финской кампании, а также действиям немецких штурмовых подразделений в ходе прошлой мировой войны и Французской кампании вермахта.

– Не знал, что у нас в училищах сейчас это преподают, – скептически сказал Матвеев. – Откуда брали материалы?

– Из периодической печати и справочников. В том числе и из этого, – достал из планшетки и передал командиру «Тактический справочник по германской армии», купленный на вокзале в Тамбове.

– Понятно, – просматривая справочник, ответил командир. – Что еще интересного вы тут вычитали?

– То, что при возникновении вооруженного конфликта с немцами крепость будет мышеловкой для гарнизона, ее обороняющего, – с вызовом ответил я. При этом все присутствующие пристально стали на меня смотреть. Если бы не был готов к той буре чувств, которые вызвали мои слова у сидящих в комнате командиров, наверняка перепугался бы не на шутку.

– Почему так решили? – медленно, старательно проговаривая слова, спросил Матвеев.

– Согласно данным справочника, немецкая артиллерия своим огнем полностью накроет крепость, город и пригороды. Наиболее приоритетными объектами ее воздействия окажутся

казармы, мосты, автомобильные и артиллерийские парки. С 1939 года немцы, бравшие крепость, знают все цели и их координаты. Мы же вселились в те же казармы, где раньше были поляки. Вести огонь по нам не составит труда. Даже если стены казарм выдержат и личный состав не пострадает от обстрела, то выходить из крепости и выводить технику для занятия позиций по боевому расчету придется под огнем противника. Выход частей дивизии может составить 5–7 часов. Это не считая того, что противник будет продолжать обстрел. Насколько я понял из рассказов, с Центрального острова выход на Кобринское укрепление только один – через Трехарочный мост. А выходов из Кобринского укрепления в сторону Бреста три – Северо-западные, Северные и Восточные ворота. Вот при таких условиях и получается, что крепость станет мышеловкой для ее гарнизона и гражданских, проживающих здесь. Как я уже говорил, обстрелу и бомбежке с воздуха подвергнутся и части, расположенные поблизости от города. Лейтенант Седов доклад закончил.

Пока я это говорил, присутствующие внимательно слушали меня. Периодически Руссак кивал головой, соглашаясь со мной.

– Устами младенца... – тихо сказал замполит.

– Все это мы знаем и понимаем. Командование неоднократно поднимало вопрос о выводе ряда частей гарнизона из крепости. Но не хватает казарменного фонда, вот и приходится тесниться. Ладно, с этим все понятно. Давайте вернемся к вопросу о том, что вы говорили о подготовке личного состава и формировании штурмового подразделения. Как вы понимаете задачи и цели штурмового подразделения? Какова его численность и вооружение? Тактика действий? – сказал Матвеев.

– Классические пехотные подразделения выполнять многие специфические задачи попросту неспособны. Именно это послужило толчком к созданию в Германии «панцергренадеров» и реформированию части мотопехоты. Нашей армии в ходе Финской войны пришлось столкнуться с проблемой значительных потерь во время операций по взятию укрепрайонов, а также в уличных боях.

Долговременные огневые точки финнов прикрывали друг друга, а за ними стояли артиллерийские и минометные батареи, противотанковые орудия. Все подходы к дотам опутывались колючей проволокой и густо минировались. В городах в огневые точки превращался каждый канализационный люк или подвал. Руины превращались в неприступные форты. Для штурма этих укреплений нами использовались обычные линейные пехотные части, не имевшие опыта взятия подобных укреплений. Естественно, они несли при этом большие и неоправданные потери. На амбразуру можно было бросаться грудью – поступок, конечно, героический, но абсолютно бессмысленный.

Идею создания отдельного штурмового подразделения, как я уже говорил, взял из опыта русской и немецкой армий. В русской армии, как и в других армиях мира, имелись специально подготовленные гренадерские, штурмовые и ударные части, использовавшиеся для штурма крепостей и укреплений противника, показывавшие неплохие результаты. Наиболее близкий к нам пример – это действия штурмовых подразделений кайзеровской армии. В 1916 году во время сражения за Верден немцы использовали специальные саперно-штурмовые группы. У них было специальное вооружение – ранцевые огнеметы, ручные пулеметы, и их личный состав прошел спецкурс подготовки. Насколько я знаю, сейчас у немцев таких подразделений нет. Задачи прорывов укрепрайонов решают обычные саперные, гренадерские и танковые части.

В качестве основы для штурмового подразделения требуются, главным образом, технически грамотные и подготовленные специалисты, поскольку спектр ставящихся перед ними задач довольно сложен и широк. Тугодумы, физически слабые и бойцы старше 40 лет сюда не подходят.

– Ну, я туда по возрасту точно не попаду, – с усмешкой перебил меня командир. – Продолжайте.

– Высокие требования объясняются просто: боец-штурмовик несет на себе груз в несколько раз больше, чем простой пехотинец. В стандартный набор бойца должны входить каска и стальной нагрудник, обеспечивающий защиту от мелких осколков и pistolетных пуль. Кроме того, мешок, в котором находится «набор взрывника». Подсумки использовать для переноски увеличенного боекомплекта гранат. Было бы неплохо использовать ранцевые огнеметы. Бойцы должны быть вооружены автоматическим оружием, ручными пулеметами, снайперскими винтовками и противотанковыми ружьями. Противотанковые ружья нужны для подавления огневых точек и поражения танков противника.

– Насчет вооружения понятно. А что за стальной нагрудник? Откуда вы его возьмете? – спросил Руссак.

– В русской и других армиях для тяжелой кавалерии использовались панцирные латы, защищавшие тело кавалериста от ударов, осколков и пуль. Вот по типу их и нужны стальные нагрудники.

– Это какой же вес будет таскать боец! Кроме того, вы представляете себе, что будет с бойцом, если, скажем, пуля или осколок попадет в такой нагрудник? Удар по телу будет очень сильный, да такой, что все тело станет синим. И как вообще должен выглядеть такой нагрудник? Как обоюдосторонний панцирь, надеваемый через голову?

– Зато боец останется живой и в строю. Годным для продолжения боя. Вес нагрудника, если использовать металл толщиной около 2 мм, составит, по моим расчетам, около 3,5 килограмма. Для смягчения удара можно надевать под нагрудник ватник или телогрейку. Защищать нагрудник должен только грудь бойца. Одеваться при помощи ремней на тело. Чертеж я нарисовал, он есть в папке.

– Наверное, я пропустил. Извини, продолжай.

– Необходимо научить личный состав бегать с таким грузом на плечах и минимизировать его возможные потери. Для этого надо бойцам устраивать жесткие тренировки. Бег по полосе препятствий с полной выкладкой. В том числе и обстрел бойцов боевыми патронами, обкатку танками. На крайний случай тракторами. Таким образом, бойцы научатся «не высовываться» еще до первого боя и закрепят это умение на уровне инстинкта. Кроме этого, личный состав должен изучать оружие как нашей армии, так и сопредельной, тренироваться в стрельбе из всех видов оружия, имеющихся в подразделении. Также в программу тренировок нужно включить рукопашный бой, метание топоров, ножей и малых пехотных лопаток.

– Чем тогда они, кроме нагрудников, будут отличаться от разведчиков? И их тренировок? Какой груз должны носить бойцы? – спросил замполит.

– Да, тренировки у тех и других похожи. Но цели разные. У одних – захватить сведения у противника, у других – взять штурмом и удерживать до подхода резервов и линейных частей укрепления противника. Тренировки штурмовиков должны быть гораздо труднее, чем у разведчиков. Разведчики идут на задание налегке, и главное для них – не обнаружить себя. В это же время боец-штурмовик не имеет возможности прятаться по кустам, и он не может потихоньку «смыться». Вес груза около 50 килограмм на одного. Что туда входит: 4–6 гранат «Ф-1», «РГД-33», по максимуму боеприпасов, взрывчатка, детонаторы, фляги с водой, перевязочные материалы, веревка метров 6–8, ножи, пехотные лопатки и так далее. Часть груза можно носить на специальных разгрузках, которые можно одевать на нагрудники. На тренировках вместо всего этого носить мешки с песком.

– Это понятно. А как они должны действовать? – спросил Матвеев.

– Тихо пройти через заранее подготовленные проходы в минных полях. Без артподготовки и криков «ура». Отряды автоматчиков и пулеметчиков отрезают от поддержки пехоты доты, а огнеметчики и взрывники должны разобраться с самим вражеским бункером.

– Тогда получается, что в данном подразделении должны быть саперы? – сказал командир.

– Конечно. Или лица, подготовленные как взрывники. Они должны уметь заложить в вентиляционное отверстие заряд или вылить в него несколько канистр керосина, после чего подорвать. Это позволит вывести из строя даже самое мощное укрепление. Ну и для прохода через стены, где это возможно. Например, в городских кварталах использовать тротил для прокладки пути. Еще можно использовать реактивные снаряды, что есть в нашей авиации, для борьбы с дотами, танками и пехотой противника.

– Какие-то у вас, Владимир Николаевич, универсальные бойцы получаются. И разведчики, и автоматчики, и саперы, и ракетчики. Все могут и умеют. И без артподготовки любое укрепление возьмут, – сказал Аношкин.

– Нет, я думаю, что штурмовые подразделения не панацея на поле боя. Без тесного взаимодействия с артиллерией, танками и линейной пехотой они действовать не могут. Если позиции прикрываются артиллерийским и минометным огнем, который предварительно не был подавлен, штурмовые группы будут бессильны. Ведь какую бы подготовку ни прошли бойцы, для снарядов и мин они так же уязвимы, как и остальные.

– Значит, в штурмовые группы нужны еще и связисты, – задумчиво сказал начштаба, что-то черкая у себя в блокноте.

– Да, и связисты. Радисты и телефонисты для обеспечения взаимодействия с подразделениями и штабом части, – ответил я ему.

– Тут вся проблема в том, где взять таких специалистов. Точнее, где и кто их подготовит, – сказал Матвеев, ходя по кабинету со сложенными за спиной руками. И продолжил: – Какова численность одной такой группы – человек 10–12?

– Да. Но в каждом случае надо подходить индивидуально, в зависимости от цели и задачи. Одно дело – взять или уничтожить отдельно стоящий дзот или дот, другое – взломать оборону противника, на которой имеется несколько таких укреплений.

– Это понятно. Я о том, сколько нужно, в общем, иметь человек в подобных штурмовых подразделениях.

– Я думаю от взвода в роту. До роты в батальоне.

– Тогда получается, что нам надо один из батальонов готовить именно по такой программе. Все это хорошо, но где взять людей? Кто их научит? И как будут учить? Если у нас половина полка русского языка не понимает, – задумчиво сказал Матвеев.

– В основном тематика и план подготовки такого подразделения мною описаны. Конспекты по большинству тем тоже есть. То, что связано с подготовкой по взрывному делу, вполне могут преподавать командиры-саперы. Остальное, если разрешите, я сам мог бы им дать. Срок подготовки такого подразделения до полугода. Но можно и уменьшить срок. Если будут бойцы, уже послужившие в армии и имеющие первичную подготовку.

– Правильно, сам предложил, сам и выполняй, – сказал начштаба.

– Задумка у лейтенанта полезная. Сколько можно людских жизней сохранить, используя такие группы, – вставил свое слово замполит.

– Это понятно. С вооружением таких групп решить можно. Скоро на «СВТ» и «ППД» полностью перейдем, а вот где людей найти? Если изъять наиболее подготовленных бойцов и младших командиров из остальных рот, что в них останется? Кто будет руководить отделениями? Ноль без палочки. Так полк имеет более или менее ровные подразделения. С чем останемся? С одними штурмовыми группами. Ты что скажешь, Виталий Павлович? – обратился командир к Руссаку.

– Идея в целом кажется полезной. Надо подумать над ней, как следует. Я бы не спешил от нее отказываться.

– Ладно, Седов. Загрузил ты нас своими мыслями, а у нас своих хватает. Сейчас время обеденное, ты давай в столовую сходи. Пообедай. Знаешь, где столовая? – спросил Матвеев.

– Знаю, – ответил я.

– Так вот сходи, пообедай, а потом подойдешь к начштабу. Он тебе должность подберет. Конспекты и план оставь, мы тут их еще обсудим. Потом вернем. Надеюсь, не против? Счастливой тебе службы, лейтенант, – попрощался со мной командир.

Мне ничего не оставалось, как попрощаться и покинуть кабинет командира. Куда идти? В комнату переодеться. Потом выполнить приказ командира – поесть. Ну, а затем к начштабу за должность. Что-то нехорошо они на меня смотрели. Может, зря со своим предложением вылез? Служил бы как все – тихо, мирно, незаметно. Нет, надо было себя показать, языком потреть. Как же, сделать вброс информации. Поторопить будущее. А теперь буду на примете у командования – как слишком умный. Еще неизвестно, на какую должность определят, а то придется все оставшееся до войны время портянки на складе перебирать. Дело нужное, я это делать умею, но совершенно не хочется. Ладно, чего теперь самого себя корить. Жизнь продолжается. Вперед к свершениям, товарищ трижды лейтенант.

– Как вам этот прожектор? – спросил после ухода Седова своих сослуживцев командир полка. – Без году неделя в армии, а уже проекты создания нового подразделения в полку предлагает. Куда нам его с такими идеями девать?

– Но идея, согласитесь, товарищ полковник, здравая. Хорошо проработанная и вполне выполнимая, – вступился за лейтенанта Руссак.

– Лично мне Седов понравился. Очень уверенный в себе и своем мнении грамотный и знающий командир, – ответил замполит и продолжил: – Теперь понятно, почему Кравцов вчера по нему звонил.

– Я об этом совсем забыл. Кстати, а чего они его у себя сразу не оставили?

– Кравцов сказал, что вакансия, на которую Седов приехал, пока не освободилась и неизвестно, будет ли освобождена. Вот по моей просьбе о пополнении командного состава полка грамотными специалистами и командирами его к нам и отправили.

– Ох, не верю я, что в штабе округа должностей нет. Ну, и что нам с ним делать? Куда назначать будем?

– Я бы его к себе забрал. Он мне очень понравился. Партиполитработу знает, опыт имеет. О таком только и можно мечтать, а то у нас большинство из запаса или с курсов и совсем без опыта. Делают все формально, знают, что не сегодня завтра форму снимут и по домам разъедутся. А этот полностью наш, армейский, кадровый. На всю оставшуюся жизнь себя армии посвятил и на гражданку не побежит. Завтра из округа выписку из его личного дела привезут. Я ее изучу и могу договориться с Управлением политической пропаганды округа о назначении его политруком роты. Думаю, мое предложение и в дивизии поддержат. Сначала на роту поставим, скажем в третий батальон, а потом, может, и на батальон подойдет.

– Товарищ командир! – вмешался в разговор Руссак. – Седова надо или на командную, или на штабную должность ставить. Лучше всего на штабную работу определять, есть у него штабная жилка. Вдумчивый, спокойный, уравновешенный, грамотный. Вон какую программу подготовки сделал, со всеми необходимыми выкладками и конспектами. Самое ему место у нас в штабе полка. Жаль, конечно, что опыта мало. Но со временем поднаберется и отличным начштаба будет в батальоне.

– У тебя вроде все должности укомплектованы, или кто уходить собрался? Тогда почему я рапорта не видел?

– Укомплектованы. В ближайшие дни на должность моего помощника прибудет лейтенант Санин. Но я бы Седова подучил и со временем кому на замену подготовил.

– Ага. В полку куча должностей командиров взводов недоукомплектована. А ты лейтенанта, значит, к себе под крыло учить?

– Так ведь для пользы дела, товарищ полковник! Как сказали в дивизии, к нам после 18 июня должны прийти выпускники Смоленского стрелково-пулеметного и Калининского пехотного училищ. Так что взводных укомплектуем полностью.

– Я и сам вижу, что парень грамотный. С правильными и нужными идеями. Ты прости, Николай Иванович, но политработником Седову не быть. Себе из других подберешь. Он явный командир, и место ему на взводе или роте. Больше даже на ротного тянет. Но у нас все ротные должности заняты, или это не так?

– Все так, и в ближайшее время освобождаться не будут.

– Так что назначим его пока на взвод в третий батальон или в полковую школу. Присмотрись к нему оба. Насчет использования его на штабной должности... Никто не запрещает тебе, Виталий Павлович, привлекать Седова к отработке штабных документов и готовить к штабной работе. Сейчас третий батальон на работах по укрепрайону. До его возвращения в крепость используй Седова в своих целях. И вот еще что...

Идея насчет создания штурмового подразделения в полку правильная и нужная. Отбрасывать ее в сторону не будем. Докладывать свои предложения по этому вопросу в дивизию тоже пока рано. В Финскую войну в основном действовали саперные штурмовые группы. У нас саперов кот наплакал, и они все заняты на решении других задач. Попробуем создать такое подразделение у нас, без внесения изменений в штатную структуру полка. Возьмем один из стрелковых взводов или из полковой школы и подготовим по предложенной лейтенантом программе. Седов пусть и готовит. Время у нас есть. Хуже точно не будет. Заодно и парня в деле проверим. Посмотрим, что к чему, а тогда и решим – выходить на дивизию и корпус или подождем. Ты, Виталий Павлович, вместе с Седовым проработайте вопрос, кого привлечь к подготовке. Прикиньте, что и как сделать, кого подобрать, где и как использовать. По вооружению и материальному обеспечению взвода решим так – все сделаем в наших полковых мастерских или на складах присмотрим. В мастерских я видел металлические листы нужного размера, что еще от поляков остались. Вот из них и попробуем сделать образец.

Далее. Меня все больше тревожит мысль о проблеме вывода полка и средств усиления в укрепрайон при обстреле крепости с сопредельной стороны. Если человек, пробывший несколько часов в крепости, ее замечает, то нам сам бог и командование велели ее решать. Мы действительно не сможем этого сделать за установленное время.

– Командир! Нас не поймут, если мы выйдем из крепости и сменим место дислокации без разрешения руководства корпуса. Могут обвинить в паникерстве и самоуправстве, – сказал комиссар.

– Тут я с тобой согласен, но решать проблему надо в любом случае. Снова обратить на этот вопрос внимание дивизии, корпуса и армии. Обосновать вывод полка можно ускорением работ на объектах укрепрайона, полевым выходом или стрельбами, наконец. Тем более у нас с 15-го начинаются летние лагеря. С этой целью и вывести все батальоны и полковую школу. Оставить в распоряжении только подразделения обеспечения, без которых полк может обойтись, а также комендантский взвод, дежурное подразделение, больных и освобожденных от работ, приписников.

– Знамена полка и дивизии? Комендатура крепости и связисты?

– А ты как думаешь?

– Вообще-то, по идее, знамя должно быть постоянно с полком. Связь тем более.

– Правильно. Связисты выйдут вместе со всеми на тренировку. А вот со знаменами проблема. Представь, что будет, когда узнают, что знамена вынесены полком в укрепрайон.

– Может быть, согласовать этот вопрос с дивизией?

– Предложу комдиву согласовать с армией разрешение вывести на строительство укрепрайона с целью ускорения работ не один батальон, а несколько и с ними вынести знамена. Должен же Михаил Антонович войти в наше положение. Ну и ты, комиссар, переговоры по

своей линии с полковым комиссаром Бутиным Михаилом Николаевичем. Еще вопросы есть по данной теме?

– А что с артиллерией и складами делать будем? Их же тоже выводить надо, – спросил начштаба.

– Надо склады боепитания частично вывезти в тыл нашего оборонительного района. Скажем, километрах в шести-семи найти место и оборудовать временный склад. Туда же складировать часть продовольствия. Артиллеристов выведем на стрельбище для тренировки. Здесь оставим одну батарею или будем менять их постоянно. Одна побыла несколько дней и ушла, на ее место пришла другая. Аналогично с остальными подразделениями поступим.

– Вот это правильно, командир. Не будет напряженности в семьях командиров, а то и так жены мужей редко видят, – сказал замполит.

– Виталий, отработай график вывода подразделений так, чтобы со стороны не было особо заметно, что полк фактически отсутствует в крепости.

– Сделаю. Я тогда Седова к этому привлеку.

– Не против. Далее. Николай Иванович, переговоры с особистом, пусть он по своим каналам Седова на всякий случай проверит. Знать хоть будем, что за человек Седов. Ко мне вопросы есть? Тогда не задерживаю. Николай Иванович, после обеда со мной в дивизию проехать не хочешь?

– Конечно, поедem.

– Тогда жду тебя в три часа.

Из мемуаров Главного маршала авиации Голованова А. Е. «Дальняя бомбардировочная»:

«...В тот день я в двенадцать часов явился к командующему округом.

В кабинете за письменным столом сидел довольно массивного телосложения человек с бритой головой, со знаками различия генерала армии.

Павлов поздоровался со мной, спросил, почему так долго не приезжал в Минск, поинтересовался, что мне нужно, и сказал, что давно уже дал распоряжение, чтобы нас всем обеспечивали, так как об этом его просил Сталин. Только я начал отвечать на его вопросы, как он, перебив меня, внес предложение подчинить полк непосредственно ему. Я доложил, что таких вопросов не решаю.

– А мы сейчас позвоним товарищу Сталину, – он снял трубку и заказал Москву.

Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

– Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.